

Ю Н Ы Й
НАТУРАЛИСТ

76

8

«УТРО»

Рис. Е. Скрынникова

ЗЕМЛЯ — НАШ ОБЩИЙ ДОМ

Как-то после прогулки по любимым местам Лев Николаевич Толстой написал: «Неужели может среди этой обаятельной природы удержаться в душе человека чувство злобы, мщения или страсти истребления себе подобных! Все недоброе в сердце человека должно бы, кажется, исчезнуть в прикосновении с природой — этим непосредственным выражением красоты и добра».

Щедра, благородна и величественна мать-природа. Многие люди любят ее чистой, бескорыстной любовью. И в этом нет ничего удивительного — человечество возникло из нее самой. Но сегодня пассивной, созерцательной любви к природе уже мало. Ей необходимы активные друзья и помощники, глубоко понимающие ее беды, ее насущные нужды.

Именно об этом шел разговор нашего корреспондента с директором Института эволюционной морфологии и экологии животных имени А. Н. Северцова АН СССР, вице-президентом Международного коор-

динационного совета по программе ЮНЕСКО «Человек и биосфера» академиком В. Е. Соколовым.

— К сожалению, как известно из истории, — сказал Владимир Евгеньевич, — далеко не все и не всегда испытывали к природе нежные чувства. Еще не так давно Земля с ее бесконечными лесами, полями, лугами, водами казалась человеку необъятной. Заселенная бесчисленными стадами пернатой дичи, разнообразными зверями, тысячами видов рыб, она считалась неисчерпаемой в своем богатстве. И вдруг люди с тревогой обнаружили, что их общий дом не так уж и велик и не так уж неисчерпаем в запасах. Совсем неожиданно выяснилось, что человеку стало не хватать чистой пресной воды, чистого воздуха, плодородных земель. Но так ли уж неожиданно!

В прошлые века, когда численность землян была еще сравнительно невысока, а промышленность развита слабо, человек редко задумывался о последствиях грубо-

го вмешательства в природу. Он считал себя единственным хозяином в своем доме, господином и пытался извлечь из окружающего его зеленого и голубого мира как можно больше выгод. Разрушал этот мир огнем, железом, полчищами своих домашних животных. Это вело к гибели растительности, истощению почв, образованию степей и пустынь — словом, к истреблению флоры и фауны. Мог ли, например, предвидеть царь Соломон, что, вырубая кедровые леса в горах Ливана, он подрывает устои государства, обрекает будущие поколения на жизнь среди раскаленных песков?

Когда-то приморские склоны хребта Ливан покрывали леса из различных видов сосны, дуба, можжевельника и ливанского кедра. Древние ассирийцы даже называли эти места Кедровыми горами. Вдоль приморской полосы высились пинии. Пять тысяч лет назад Соломон начал строить храм. Свыше 80 тысяч лесорубов-египтян были отправлены на вырубку ливанских кедров. День и ночь со страшным грохотом валились огромные деревья. Храм был воздвигнут, тщеславие владыки удовлетворено. А затем время и история сделали свое. Вросли в землю остатки разрушенного святилища. Истлели кости самого Соломона. Страны же эти до сих пор испытывают на себе последствия царских деяний.

Обладавшие плодородными почвами и покрытые лесами, они стали теперь пустынями, превратились в бесплодные территории, не способные прокормить живущие на них народы.

Обо всех опустошениях, нанесенных человеком земле и животному миру, невозможно рассказать. На памяти человечества пропало 120 видов и подвидов млекопитающих и 150 видов птиц.

Уже в исторический период сильно изменился животный мир Европы. Очень давно она лишилась львов, во многих странах перевелся речной бобр, исчезли туры.

А между тем большинство видов и все сообщества, исчезнувшие к настоящему времени, либо совсем не были исследованы, либо были исследованы недостаточно. Так, нам было известно, что сумчатый волк — единственный доживший до наших дней крупный хищник из сумчатых. Но вряд ли мы когда-либо узнаем об этом странном и уникальном создании много больше, поскольку неизвестно, су-

щестает ли он сейчас даже в Западной Тасмании — своем последнем прибежище. Вымирание отдельных видов растений и животных — это лишь часть более общей проблемы вмешательства в жизнь природных сообществ. Исчезновение вида — явление необратимое. Оно столь же драматично, как и гибель произведений искусств.

Любая неудача в деле охраны природы — невосполнимая потеря, поскольку, исчезнув с лица Земли, ни один вид растений или животных, ни одно сообщество не смогут быть восстановлены, как бы этого ни хотелось будущим поколениям. И тут даже на возможном возрождении с помощью генетики надежды мало: нельзя воссоздать то, для чего нет ни образца, ни исчерпывающего описания. Нам повезло: мы еще застали в живых прекрасные образчики представителей мезозойской и кайнозойской эры: гигантскую черепаху, жирафа, слонов, полугая красного ара, орангутанга, моржей, китов, орхидеи и секвойю.

Охрана природы — это не только ее защита и сохранение. Иногда в наименее затронутых человеком районах природу нужно предоставить самой себе. В некоторых же случаях природными процессами необходимо управлять. Если бы Земля находилась в первозданном состоянии, она была бы способна прокормить едва ли 10 миллионов из четырех миллиардов населения планеты. Можно смело утверждать, что преобразование ее человеком закономерно и необратимо, что окружающий нас мир нельзя рассматривать в отрыве от потребностей человеческого общества. Мы за обогащение природы, потому что она далеко не идеальна и ее полезная для человека продуктивность еще невелика и должна и может возрасти в несколько раз. Например, 90 процентов общего годового улова рыбы в крупном озере Балхаш в Казахстане составляют запущенные сюда судак, сазан, лещ. Более 80 процентов донного корма Каспийского моря дают его новоселы — синдесмия и нерейс. Значительную часть пушных заготовок СССР составляют вновь привезенные в нашу страну ондатра, американская норка.

Используя воду, воздух, почву, горные породы и живой мир, мы стремимся получить все необходимое и полезное для нас не только сегодня, но и в будущем, отдаляя будущее.

Именно этими принципами пронизаны решения XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза, в которых намечена обширная и разносторонняя программа по рациональному использованию и воспроизводству природных ресурсов, по охране окружающей среды. Нам памятные слова тов. Л. И. Брежнева на предыдущем, XXIV съезде партии о том, что «не только мы, но и последующие поколения должны иметь возможность пользоваться всеми благами, которые дает прекрасная природа нашей Родины». Итоги девятой пятилетки показали, что главное направление в этой работе, нацеленное на комплексное решение проблем охраны окружающей среды и использование природных ресурсов, было выбрано верно. Только в Российской Федерации ежегодно высаживалось леса на площади, превышающей миллион гектаров. Построено несколько тысяч комплексов очистных сооружений. Чище стало небо над нашей страной: невидимо мысок шапок над трубами Невинномысского химического комбината, нет вредных газов в отходах на некоторых заводах искусственного волокна, утопает в зелени территория вольского завода «Большевики», некогда покрытая лишь слоем пыли от цемента, территории ряда нефтепромыслов Татарии превращены в цветущие сады. А всемирно известный Волжский автомобильный завод сбрасывает в Волгу воду более чистой, чем забирает из реки. Тем самым автозаводцы опровергают мнение, будто бы загрязнение среды — неизбежный спутник технического прогресса.

В Москве, например, воздух намного чище, чем в столицах других стран. На мероприятия, связанные с охраной природы в десятой пятилетке, только Российской Федерации выделяется 7,5 миллиарда рублей. Это новое свидетельство неустанной заботы партии и правительства о благе советских людей, о воплощении ленинских принципов природопользования.

«Следовательно, мы должны рассматривать сельское хозяйство, — подчеркнул в Отчетном докладе XXV съезду КПСС тов. Л. И. Брежнев, — как огромный, постоянно действующий механизм охраны, культивирования живых природных богатств. И природа воздаст нам сторицею».

Нужно заботиться о повышении плодородия почв, охранять ее от водной и ветровой эрозии, вторичного засоления, истощения, от загрязнения промышленными отходами.

Многое предстоит сделать в этом пятилетии научно-исследовательским организациям, разрабатывающим современные средства защиты окружающей среды и новые технологические процессы.

Бобр.

Мероприятия по охране природы и рациональному использованию ее ресурсов разрабатываются всеми министерствами и ведомствами Советского Союза. Эта программа действий является составной частью планов, намеченных для развития каждой отрасли народного хозяйства. Рассматривается ли проект строительства нового завода или фабрики, нового автохозяйства, новой дороги, мнение специалистов по охране природы является очень важным.

Природу любят многие. Но сегодня этого совсем недостаточно для ее сохранения и расцвета. Нужны глубокие всесторонние знания процессов, происходящих в ней, нужен учет всевозможных последствий, к которым приводит вмешательство человека. Все живое на Земле невидимо соединено друг с другом бесчисленным множеством связей, и это огромное единство постоянно испытывает на себе взаимное влияние. В таком сложном переплетении все важно, все значительно.

Многое непривычно для нас. Мы делим зачастую живой мир на две части: полезную и вредную. И делим не всегда верно. Давайте попробуем определить по нашим меркам, вреден ли, например, гнус. Тот, кто хоть раз видел лица геологов, даже в накомарнике, облепленные мошкой и похожие на сплошные серые маски, тот без тени сомнения ответит: вреден! И ошибется. Да, человека, зверей гнус поедом ест, но мошкой питаются рыбы и птицы. Полное уничтожение гнуса нарушило бы цепочку: человек — животное — растения и почва.

Или: как может зависеть урожай от численности хищных птиц? Связи тут, казалось бы, никакой. А в действительности хищные птицы сберегают урожай, поедая мышевидных грызунов, саранчу. Новая цепочка:

хищные птицы — грызуны — урожай пшеницы.

Число таких «неожиданных» связей можно перечислять бесконечно. Вот почему так важно лучше знать мир природы, чтобы, не нарушая равновесия, сохранять дарованные нам богатства и приумножать их.

Богатства эти можно оценивать по-разному. Например, в цифрах. На долю нашей страны приходится десятки тысяч растений и сотни тысяч животных. Тут белые медведи и куланы, тигры и зубры, олени и лебеди... Изучив самые тонкие нити взаимосвязей в природе, советские специалисты успешно акклиматизировали в нашей стране около 2000 видов экзотических, ранее не произраставших у нас растений, примерно 25 видов ценных животных, среди которых американская норка, енот-полоскун, ондатра, нутрия. На миллионах гектаров в Советском Союзе сохраняется почти не тронутая человеком дикая природа. В наших лесах бродят, по подсчетам специалистов, свыше 700 тысяч лосей. А ведь еще сравнительно недавно сохатый был почти истреблен. На протяжении двух предыдущих столетий лоси в европейской части России считались животными редкими. В результате глубоко продуманных мер охраны животного мира шло неуклонное восстановление их численности. Под охрану взяли соболя, бобра, сайгака, калана, морского котика, зубра и других ценных зверей. Сегодня соболь охраняется уже в 7 заповедниках и 67 заказниках. Численность соболя снова высока, и в последние годы сотни тысяч шкурок идут на продажу.

Антилопы-гну в заповеднике Аскания-Нова.

Наши биологи и охотоведы восстановили стада многих других животных: благородного и пятнистого оленей, диких кабанов, горных баранов, козлов. Громадные табуны диких северных оленей кочуют по огромным пространствам тундры. Всего в нашей стране тундровых и лесных диких северных оленей насчитывается более 800 тысяч. Свыше миллиона сайгаков живут в степях Калмыкии и Казахстана. Возрождаются семейства морских зверей: каланов, котиков, сивучей, тюленей. На Курильских и Командорских островах, на острове Тюленьем, недалеко от Сахалина, обитают около 10 тысяч каланов и 400 тысяч морских котиков. А ведь большинство их находилось на грани исчезновения.

В 1919 году Владимир Ильич Ленин подписал декрет об организации первого советского заповедника в дельте Волги — Астраханского. Это было тяжелое время голода и разрухи, но Ленин считал, что охрана природы имеет громадное значение для республики и не терпит отлагательства. В 1920 году был подписан декрет об учреждении Ильменского минералогического заповедника на Урале. В настоящее время в СССР создано свыше ста государственных заповедников общей площадью более 8 миллионов гектаров. Сделано многое, но впереди еще больше трудной и благородной работы на радость и пользу труженикам большого дома всех людей — планеты Земля.

Вел беседу с академиком В. Е. Соколовым
журналист В. Привалов
Фото Р. Воронова
и В. Минкевича

Смело ведите юную смену славной дорогой отцов, воспитывайте достойных продолжателей революционных, боевых и трудовых традиций старших поколений. Помните: сегодня — дети, завтра — активные строители коммунизма.

Л. И. БРЕЖНЕВ

Из приветствия участникам Всесоюзного слета пионерских вожатых

Поле Солдатское, поле целинное, поле пионерское

Все дальше и дальше раздвигалась земля. Белыми кострами вспыхивали внизу цветущие сады, поля расстилали малахитовые ковры озими, а лес даже отсюда, из самолета, казался одетым в невесомую зелень кружев. Слово в знак прощания, солнце высветило у горизонта радугу, а потом все ступевал серый дым облаков, бежено понесшийся мимо иллюминатора.

Осталась позади Москва, но Александр Шолик мысленно был все еще там, в столице.

Любовался величавой статью обновленных кремлевских башен, слушал бой курантов и отсюда, с Красной площади, вместе с парнями и девушками в красных галстуках спешил в Колонный зал Дома Союзов. Никогда, наверное, под сводами этого зала не звучало столько задорных песен! И он, пионерский вожатый из далекого алтайского поселка Ключи, пел вместе со всеми, а потом, в торжественные минуты открытия слета, стоял в почетном карауле у знамени Всесоюзной пионерской организации имени Ленина. Разве забудется такое!

Надолго останется в памяти и тот день, когда их алтайская делегация рапортовала Центральному Комитету ВЛКСМ. Тогда преподнесли они руководителям комсомола хлеб-соль — пышный узорчатый каравай на расшитом полотенце. Кажется, и сейчас еще руки Александра сохранили запах того хлеба. Хлеба, в котором сплелся жар дорогих его сердцу полей.

Самолет миновал Волгу, невидимую за плотной ватой облаков. Где-то там, внизу, на берегу великой русской реки лежало то первое поле, что больше тридцати лет звалось Солдатским. Давно отгремела битва на Волге, но поле это, перепаханное бомбами и снарядами, спрятавшее в своем нутре сотни грозных мин, оставалось угрюмым, неприветливым. Только ковыль да горькая полынь каждую весну засевали

его, только бурьян упорно вставал по склонам сглаженных временем траншей и окопов.

И наступила весна 1975 года. На краю Солдатского поля выстроились тракторы. Один из них — его, Шолика. Когда прогремел в дальнем овраге, куда саперы свезли все извлеченные снаряды и мины, последний взрыв войны, двинулись вперед машины. Отваливалась под плугами земля, темная, щедрая, истосковавшаяся по зерну. На глазах возрождалось поле. Жизнь ему возвращали комсомольцы, родившиеся после победного салюта. В этом была прочная связь времен, связь поколений.

Не так велико Солдатское поле — всего-то 400 гектаров. Разве сравнишь его со вторым полем Александра — с распахнутыми настежь просторами Кулундинской степи! Там, в родных Ключах, продолжал он подвиг целинников: пахал землю, растил хлеб, познавал премудрости золотой нивы. А потом пришел в свою школу, где еще в ученической производственной бригаде проходил хлеборобские университеты. Пришел, чтобы стать пионерским вожатым, командиром, как любовно называют его теперь ребята. Вот когда появилась у него третье поле — пионерское.

Александра Шолика встречали в Ключах мальчишки из его отряда: Юра Степин, Коля Кириллин, Сережа Веризук. Лихо подкатили они к околице на своем тракторе, словно пытались доказать, что недаром прошли уроки командира. Так на тракторе и увезли своего вожак в поле.

Земля дышала. Поднималось в небо зыбкое море, и, купаясь в его волнах, заливался овсюг неугомонный жаворонок. О чем думал в те минуты Александр, знает только он один. Но наверняка и это поле, и вспаханная степь представлялись ему единой нивой, на которой он не только хлебороб, но и наставник пионеров, будущих хозяев земли.

М. Владимирова

Рис. Н. Кутилова

БАМ НАЧИНАЕТСЯ У НАС

И наступил день, когда Саша, его отец и мать прилетели на вертолете в Улькан. С ними было человек десять комсомольцев. Вертолет опустился на большую поляну. Амур, крупный сибирский пес, выскочил из вертолета и стал бегать в высокой траве, а потом и валяться. Доволен, значит, что прилетел в Улькан.

Каждые двадцать минут на поляну опускались все новые и новые вертолеты с комсомольцами. Один парень играл на гармошке, другой на гитаре. Девушки побросали свои чемоданы, столпились вокруг гармониста — шум, смех, танцы.

Потом всех, кто прилетел, повезли на машинах, и там, в Улькане, их встречали хлебом-солью.

Никогда такого не видел Саша. Как это

было интересно! В два ряда стояли новенькие вагоны, получилась настоящая улица. В начале ее над вагонами натянуто красное полотно, а на нем написано: «Дорогие братья и сестры! Лунный городок приветствует вас!»

Секретарь комсомольской организации Улькана, такой высокий, веселый, Валентин Ураков сказал речь и объяснил приехавшим, почему городок назвали Лунным. Оказывается, времени было мало, ребята торопились все приготовить и всю ночь убирались в вагончиках. Девушки принесли из тайги цветы, ребята расставили тумбочки и кровати. Электрического света пока еще в Улькане не было, и они все делали при луне.

Саша поселился с отцом и матерью во

втором вагончике с правой стороны. Амур устроился пока под окнами.

— Ничего. Сделаем ему скоро настоящую собачью конуру. Тут долго жить будем, пока поселок не построим, — сказал отец.

Саша был очень доволен, что придется жить в вагоне, и тут же сел писать письмо Мишке и Лене в Воронеж. Но никак не мог начать. Он все подыскивал и подыскивал нужные слова, а в голову лезли воспоминания о тех зимних днях, когда впервые приехала его семья на БАМ, в Усть-Кут...

Мать говорила, что жить на БАМе придется в вагончиках, а то и в палатках. Саша так мечтал об этом, а получилось совсем иначе. Никаких палаток на станции Усть-Кут не было. Везде удобные деревянные дома, все по полям в сугробах, скворечники на старых березах, дорожки, расчищенные в снегу. Идешь по такой дорожке, как по коридору, а выше головы синеватый, слежавшийся за зиму снег. Душистый. И вроде бы от него арбузами пахнет.

Вообще-то Саша считал, что здесь, в Усть-Куте, им не повезло. Ну какой это БАМ? Даже ребятам нечего написать в Воронеж. А они-то там ждут писем, думают, что Саша и правда живет в вагончике.

«Если такая тут самая обыкновенная жизнь, нечего было и ехать», — уже стал думать Саша, но первый же день, проведенный в школе, показал совсем иное. Во-первых, тут не расхаживали на переменах, как в воронежской школе, а носились в свое удовольствие по коридорам. Правда, тоже стояли девочки в красных повязках — дежурные, но они и сами то и дело забывали про свои повязки и выходили вместе с ребятами на крыльцо кормить собак. Собак возле школы много. Они прогуливались по пустырю, где старая баня, но когда слышали звонок, подходили к двери и спокойно ждали.

Саша боялся собак, но тоже выскочил на перемене, и у него аж дух захватило. Такой крепкий мороз, такие большие собаки — прямо как волки! И глаза у них желтые, угрюмые.

В общем, с собаками кое-как обошлось — никто не заметил, что он их боится. Да. Тут был совсем другой народ, стоило подняться. Саше показали десятиклассника, который принес из леса олененку со сломанной ногой. Потом была ботаника, и в класс вошел необыкновенный учитель. Охотник! Никогда не видел Саша настоящего охотника.

— Это Михаил Васильевич Астало, — шепнула Саше Оля Морозова. С Олей они уже подружились. Сидели на одной парте.

Оле тоже, как видно, нравился Михаил Васильевич. Он всем ребятам нравился. А Саша так прямо глаз с него не сводил.

Вот они какие — настоящие-то охотники!

Домой в тот день он пошел вместе с Олей. За ними большущая собака увязалась. Хвост опустила и идет. Теперь уж нравился Саше Усть-Кут. Тянется и тянется по берегу реки Лены длинная улица. Теплые деревянные дома, как в сказке, из толстых бревен сложены. Ставни расписные. У одного дома на самой макушке вырезанный из дерева петух, красивый очень.

— В этом доме Романенко живет. Женя, — сказала Оля. — Теперь-то он не Женя, а уж районный охотинспектор. Сельскохозяйственный институт в Иркутске закончил. У нас многие, кто у Михаила Васильевича учился, специалистами по зверю и пушнине стали. Я тоже в Тимирязевской академии учиться буду. Очень зоологию люблю. И Михаила Васильевича. Он такой сильный, такой добрый. Он все на свете умеет. А знаешь, как мы с ним в тайгу ходим? Всем классом. Какие костры раскладываем, какую рыбу ловим в озерах! Хариуса, знаешь такую рыбу?

Эту рыбу Саша не знал.

— А тайменя знаешь?

И тайменя Саша не видел ни разу. Карася видел. Воблу видел, и то сушеную. Отец с Волги привозил.

В общем, стало получаться вроде бы так, будто Саша ничего не знает, ничего не видел. А разве это годится? Совсем приуныл Саша. И собака сзади идет скучная. Саше сочувствует.

В Усть-Куте часто говорили об Амуре. Дорога-то, что начинается здесь, пойдет до самого Амурса.

— Пусть так зовут собаку, — решил Саша.

Так, значит, так. Амур уже поднимал уши, вилял хвостом, шел Саше навстречу, когда он звал его. Жил Амур в ящике. Большой ящик принес Саша, сделал из него собачью будку, утеплил старым одеялом. Уютно в ней было Амуре. Мать ему суп каждый день варила, а отец иногда пускал в дом. Хороший был пес. Верный.

Уже готовились ребята с Михаилом Васильевичем к весне. А это не так-то просто. Одних семян сколько надо перебрать да удобрения заготовить. Девочки носились по школе с цветочными горшками, с рассадой.

Друзей у Саши появилось столько, что мать уж не могла их запомнить. И Саша Цепелев, и Володя Гутенко, и Сережа Манарев, но больше всех нравился Саше сын Михаила Васильевича — Вася, всегда приветливый, очень спокойный. Ничуть не задается, что у него отец Михаил Васильевич, хотя как две капли воды похож на него, и так же говорит, так же смотрит

кариими глазами, а над ними поднимаются темные брови.

Все, что ни скажет Вася, — сущая правда. Саша только удивляется да запоминает.

— Летом лосей гнус из тайги гонит. К рекам. Мы как-то двух лосей видели и с ними лосенка, — начнет рассказывать Вася и тут же отвлечется. — А все тополя, все деревья вокруг школы и по всей улице мы сами посадили. Летом наши ребята в лесничестве работают. Настоящими лесничими. Им даже форму дают, значки, удостоверения. Хочешь пойти туда?

Саша прямо не успевает за Васей. Ему и про двух лосей с лосенком все как следует узнать хочется, и про деревья-то, и про лесничих тем более. Он прямо засыпает Васю вопросами, а тот только улыбается и разводит руками:

— Чего особенного? Наши лесничие и браконьеров ловят, и следят, чтобы лесных пожаров не было. А то ведь знаешь? Теперь народу полно в тайге. Люди всякие бывают... Иногда разожгут костер да бросят.

Самые-то письма пошли в Воронеж, когда Саша подружился с Васей. Написал он Мишке с Ленею, какие деревья растут около школы и на улице.

«Вся улица в деревьях, — писал Саша. — Такие высокие, такие большие деревья. Прямо до небес. Их наши ребята посадили. Из 98-й железнодорожной школы. Этой весной еще сажать будем. Так сказал Михаил Васильевич».

Весна наступила в начале мая. Что творилось в тайге! Все реки и маленькие речушки вышли из берегов, всё позатапили. На пригорках высыпали подснежники, такие крупные, ясные.

— Теперь пора в поход, — сказал Михаил Васильевич и назначил сбор в субботу.

Сразу после школы ребята только домой забежали. Поели да прихватили снаряжение. У каждого свой рюкзак был, потом палатку взяли, Михаил Васильевич ружье принес, Саша пришел с Амуром.

Шли по тайге долго. К вечеру нашли зимовье. Это было старое зимовье. Стенки закопченные. Крыша из коры. Еще капает кое-где с крыши, и на полу сырые лужицы.

Оля на столе стала прибирать — столько пыли на нем было. За печкой ребята нашли консервы, банку сгущенного молока, заржавленные капканы, рассыпшуюся бочку.

Михаил Васильевич печку затопил. С ним хорошо очень. Он вроде бы не обращает ни на что особо внимания. Чувствуешь себя самостоятельным. Взрослым.

Когда печка разгорелась, ребята принес-

ли плитняк, на печку положили. Это чтобы потеплее было. Раскалится плитняк, дольше тепло держат будет.

Зимовье натопили жарко, даже окошко на ночь закрывать не стали. Пусть черемухой пахнет. Спали и на лавках, и на печке, и прямо на полу. Расстелили палатку и улеглись. Михаил Васильевич в середине, а мальчишки вокруг него. Девочки на печке устроились. Разговоров всяких было! Михаил Васильевич рассказывал, как в лесничестве работал. В Забайкалье. Как на охоту ходил.

В конце концов он велел всем спать. Завтра рано вставать. Решили же посмотреть, как глухари токуют.

Ладно. Спать, так спать. Тепло. За окном весенний ветер гуляет. Черемуху треплет. Только уснули, вдруг что такое? «Бах! Бах!» Прямо в зимовье вроде бы выстрели. Амур залаял. Ребята переполошились.

Михаил Васильевич поднялся, схватил ружье. Тайга ведь. Ночь темная. Вася догадался, свечку зажечь, а это плитняк на печке раскалился и стреляет. Снова в зимовье бабахнуло. Тут уж все смеялись, стали плитняк с печки сбрасывать.

Лето пролетело в Усть-Куте быстро. Это, наверное, потому, что очень уж много всяких дел было. И лесничим Саша был, и браконьеров они с Васей задержали.

Такая жизнь началась интересная! И вот надо же — приходит он как-то домой, а там дым коромыслом. Мать сидит на узлах, в Улькан ехать собирается. Отца переводят. Железная дорога дальше ушла. Саша выбежал на улицу, обнял Амура, чуть не расплакался.

Подумать только! Ехать в Улькан! А как же Оля, Вася, Михаил Васильевич?

Вот о чем вспоминалось сейчас в Улькане Саше. Он повертел ручку, а потом вывел на бумаге первую фразу: «БАМ начинается у нас». Пока писал, уж смеркаться стало. Он вышел посмотреть Лунный городок.

Амур потянулся, сел около Саши, посмотрел на него. Глаза веселые у Амура, рот почти до ушей. Доволен, значит, что его с собой взяли.

Саша тоже доволен. Стоит со своей собакой около вагона, а мимо взрослые девчата, парни идут.

— Глядите, братцы. Первая собака на Улькане! — обрадовался Валентин Ураков. Его-то Саша сразу узнал. Он шел, как Михаил Васильевич, в самой середине.

Девушки и парни прошли дальше, а Саша остался с Амуром. Посмотрел, как над невысокими горами луна всходит, послушал, как сверчок в траве, за вагоном, трещит. Мать зажгла свечку, и засветилось их новое окошко.

Амур опять на свое место пошел — надо же дом караулить, а Саша все стоял и думал, как он тут будет жить. За что завтра взяться с утра? Дел опять предостояло много. Ураков говорил, что все тут будет новое, все особенное.

И дома, и школа, и клуб. Саша даже присел на крыльцо — надо же было все как следует обдумать. Во-первых, создать, как в Усть-Куте, зеленый патруль. Это чтобы как можно больше деревьев сохранить. Стройка же идет. Следить надо. Саша сел на крыльцо, подпер голову руками. Руки поставил на колени. Хорошо так ему, тепло, уютно. И тут еще Амур рядом с ним устроился. Шерсть у Амура жесткая, и весь он жилистый, горячий. Слышно, как дышит Амур, как стучит его сердце. Саша обнял Амура — и вроде бы уж едут они с ним в поезде, что ли... И Михаил

Васильевич с ними едет, и Вася, и Оля. Это они на Дальний Восток едут. По новой дороге. А только что это? С ними в вагоне медведь едет. Не страшный, правда, добрый такой медведь. Саша хочет на всякий случай выйти из вагона, да не может.

А тут отец над ним наклонился: — Смотри! Совсем спекся мальчишка. Заснул на крыльце, — сказал он матери. Она тоже вышла из вагона.

Тут их Саша увидел обоих, понял, что он и правда уснул на пороге. Отец подхватил его да понес в вагон.

Амур тоже проснулся. Расправил спину, поскреб лапами землю, остался на улице охранять Лунный городок.

Ремида Радовская

Усть-Кут — Улькан

Клест.

Фото В. Ахлебина

В. ФАРТЫШЕВ

ДВОЙНАЯ ЗВЕЗДА

Повесть

Рис. В. Федорова

Лесник сидел у костра и смотрел на чайники с черными прыгающими пятнами.

— Ну, нашел? — спросил он.

Я промолчал. Ему было все равно, скажу я что или промолчу. Он налил мне чаю. Я пил чай, и мы смотрели в огонь.

— Вот я и думаю, — начал лесник, — чем люди умнее, культурнее, тем им вместе труднее. В одиночку норуют.

— А вы почему в одиночку?

— Я — другое дело. Думаешь, рвутся сейчас молодые лес караулить, да чи-

стить, да считать? Как бы не так! Им танцы нужны, книжки... Да и торопятся все, дело делают — скорей бы с плеч долой, а я так не приучен. Уж делать — так делать. Чтоб не корил никто. Вот тогда ты стоишь чего-то, тогда ты — талант...

Я уже не слушал. Вспоминал. Вокруг могилы галька насыпана. Ровненько. Камушки вымытые. А плита прямо полированная — без мха, чистая. Нет, не случайно все это. И не было в Красной Армии есаулов и хорунжих.

— Так, значит, не нашел? — спросил лесник.

— Нашел! Ручей нашел.

Лесник насторожился.

— Ну-ну, — говорит, — какой ручей?

— Ручей как ручей. Тихий. Широкий. Мутный.

— Да это же речка. Закан. Самый настоящий Закан. Ну, слушай, и мастак ты! Ай, мастак! Ты кем же быть хочешь?

— Человеком.

— Это само собой. А работать кем?

— Не думал еще.

— Ты когда думать будешь, помни об этом. Это важно.

— А вы как решили, что лесником вам быть надо?

— Это, брат, история была. Ушел корову искать. В лес. И запутался, знаешь. День меня нет, два, неделю. Вся деревня искала — не нашла. А на вторую неделю — нате вам, вот он я. Жив-здоров, и вам желаю. Я об этом помнил и лесником стал.

— А еда как же?

— Лес кого хошь прокормит. В лесу целый народ жить может. Я неделю грибы ел, ягоды, корней понакапывал, сок пил. У-у, брат ты мой, в лесу самая настоящая столовая! Хочешь саранки?

Он ушел в темноту, быстро вернулся и очистил мне какой-то корешок:

— На, ешь. Сладко. В войну детям давали.

— А вы в войну кем тут были?

— Проводником. Когда дивизию «Эдельвейс» отсюда выбивали, я нашим дорогу показывал.

— А почему вы не воевали? Ну в армии, на передовой?

— Болезнь был. Ноги не ходили почти. Колени во какие поразудло. Лесничий мне подсказал: ты, говорит, в Закане ноги вымачивай. Пять лет ходил, вымачивал. Опущу ноги и сажу. Час сажу, другой. Так и вылечил. Вишь, какую речку ты нашел. И лицо вишь какое, — продолжал лесник. — Моложе молодого. Сто лет проживу.

— А сейчас вам сколько?

— Ровно половина.

Тут уж я ничего не понял. Сорок лет они здесь с Максимовной живут, а ему — пятьдесят...

Проснулся я оттого, что жарко стало. Лесника в сторожке не было. На мне лежала его черная тяжелая черкесская бурка. Теплее любого одеяла. Я встал и пошел его искать. Лошадь паслась внизу, между деревьями. Она всю ночь ходила неспутанная и непривязанная. Лесник пришел в сторожку через час.

— Ты спал сладко, — сказал он. — Вот и не разбудил. Поедем сейчас, пора уже. Но я тебе одну штуку покажу. Пошли?

— Пошли.

Я шел за ним и уже твердо знал, куда мы идем.

— Вот я удивляюсь, — говорил лесник на ходу, покусывая веточку. — И почему народ нынче такой пошел? То ли скрытный, то ли не пойму. Взять, ты вчера. Думаешь, не заметил я, что ты не поверил?

— Когда?

— А когда я сказал, что полсотни лет мне. Ведь не поверил.

— Не поверил.

— А промолчал. Почему?

— Да так. Вы же старший. Старшие не обманывают. Значит, думать надо.

— Ну и придумал?

— Нет. Сорок лет здесь живете, пятьдесят вам всего.

Александр Михайлович усмехнулся:

— Хорошо считаешь, хорошо... Я смотрел, наблюдательный ты или нет? Наблюдательный. Разницу заметил. А того, что мне больше пятидесяти, не увидел. Кожа обманула. Да лицо-то мне Закан сделал.

Мы шли к пещере.

— А почему же не спросил вчера?

— Так. Неудобно.

— Вот и пришли мы. Отсюда Закан начинается. Ключи теплые из гор бьют. Целебные ключи. Здесь я на ноги второй раз встал.

— Ладно, — сказал я. — Ноги вы лечили пять лет. Но ведь окурки не с тех пор лежат!

— Эва, удивил! Окурки! Думаешь, я не знал, что ты вчера тут был?

Он похлопал по одному своему карману, по другому.

— Вишь, спички забыл. У тебя нету?

— Нет.

— Вот и врешь. Погляди-ка.

Я вывернул один карман. Потом другой. Из него выпал коробок спичек. Тот самый, что на плите лежал.

— Рассеянный ты вчера был. Спички прихватил. Выбежал отсюда, испугался. А чего испугался? Раз сюда, в темноту вошел, стал быть, не из трусливых. Испугался, когда надпись разобрал. Вишь, спички горелые. Светил, читал.

Лесник подумал-подумал и спросил:

— А чего испугался-то? Никак в ум не возьму.

— Вас, — сказал я. — Ведь тут белогвардейцы лежат. Вы могилу в порядке держите. Курите тут, вспоминаете их. Наверное, знали даже. Плиту, наверное, поставили. Вы не обижайтесь, хоть так это, хоть не так. Я тоже люблю, когда люди все, что думают, в лицо говорят.

— То-то ты вчера бегом побежал и у костра букой сидел, — опять усмехнулся лесник.

— Неправда! — возразил я. — И не поэтому! Даже если вы эту плиту поставили, если все так, стану я...

(Окончание. Начало см. в № 7)

— Так вот, послушай, — не удержался лесник. — Этой могиле самое меньшее — век. Здесь русские офицеры лежат. Они тут с турками сражались. Вот я и привел могилку в порядок. Ведь не враги — наши деды тут лежат. Ты говоришь, старших уважать надо, а это — старшие старших. А что сижу я на плите, так это позволительно. Потому над могилой землю насыпают издавна, чтобы, когда придет кто, мог сесть и подумать над своей жизнью. Теперь понял?

— Откуда вы про турок знаете?

— Книга в лесничестве есть о заповеднике. Сюда царь Петр ездил, здесь с турками воевали. Там и об этой могиле записано.

Он заседлал лошадь, собрал пожитки и, пока делал это, рассказывал:

— Мы тут без вас в одно место ездили. Без тебя и Лады. Долго думали, брать вас или нет. Решили — не надо. И взрослым-то тяжело... куда уж вашим василькам такое видеть... Ан, надо! Надо, — твердо и тихо добавил он.

Мы сели на лошадь и долго ехали молча. Наконец он продолжил:

— Будь у меня сын, я б ему перво-наперво всю-у свою жизнь рассказал бы. Клятая-мятая, какая ни на есть, а моя. Нехай знает. Знать будет — родным будет. А то я смотрю: Лада Виктору-то как неродная. Да и ты, взяты, глазастый-глазастый, кого хошь рассмотришь, а батяню своего и на полмизинца не знаешь. Худо это. Да и как знать? Он же всегда тут, вот он, рядом. Человек всего хуже то знает, что под боком, под рукой.

Я не перебивал лесника, хоть между каждым его словом помещалось десять шагов лошади.

— Ты вот, поди, думаешь, отдохнуть вы сюда приехали? Рыбу ловить, медок жевать? Оно и отдохнуть не грех. А того, видно, не знаешь, что твой батяня тут еще юншей был... И Виктор Иванович... И вот в такой же сторожке жили, по тропам этим ходили. И во-он ту лошину от целой роты фашистов два месяца держали. Прикинули потом — по взводу ихнему на одного нашего бойца выходило. А выстояли. Твой батя, — укорил вдруг лесник. — Твой. И ее батя. Про генералов знаете, героев каждый день видите, а тут — кто? — батя.

Мы долго поднимались вверх молча. Вся долина становилась видна, как с самолета, игрушечная такая, нарисованная. На самом пике лежали льды, и лесник велел не смотреть на полыхающее в них солнце, чтобы не «поджечь глаза», не ослепнуть.

А чуть ниже льдов, на красно-коричневых скалах, угластых пиках, куда, казалось, не добраться никак, стоял памятник. Это

был белый, словно изо льда вырубленный конус, узкий и высокий, клинком. Я пока не понимал ничего, только удивлялся: и как его туда занесли? И кто?

— Видишь? — обернулся ко мне лесник. — Глади-глади. Хорошо смотри. Это годкам твоего батяниobelisk. А батя твой да Виктор Иванович уцелели... Не будь их — вас бы не было, это ты понял? А вот тут, — и мы спустились по каменистой красно-коричневой щебеночной тропе чуть ниже. — Тут...

И я увидел сам. Когда-то здесь была широкая расщелина. Ее засыпали, заровняли и сверху положили плиту на большую, страшно подумать, какую большую братскую могилу.

Голова у меня закружилась, как от высоты бывает.

Я увидел на плите свою фамилию. — Глазастый... — совсем тихо сказал Александр Михайлович. — На той плите — деды. А тут — отцы. Были бы отцами.

Постояв, мы поехали вниз. Лошадь скользила задними ногами, трещала щебенка, лошадь испуганно фыркала, а у меня все кривилось в глазах.

Лесник снова закашлялся, как тогда, когда я с гордостью объявил: вот, мол, мой-то отец воевал!

— Я цветов нарву, — сказал я. И не заметил, как сказал, а уже услышал себя со стороны.

— Цветов родители ваши нарвали, — не оборачиваясь, ответил лесник.

— Но почему они нам ничего не сказали! — вырвалось у меня. — Ведь Лада так ничего и не знает! И смотрит на своего отца, как... как на сокалассника. И... как же батя?! Мой батя — там, в списке!

— А вот как. На этой высоте их окружили. Кончили продукты, пурга мела, патроны на исходе были. И батя твой переоделся чабаном, прошел сквозь кордоны и вышел к нашим. Наводку самолетам дал и артиллерии. И тогда ударили все разом, подошло подкрепление. Дивизию «Эдельвейс» выбили. А без бати твоего всех бы, поди, перебили... Ну а когда он отсюда уходил, то свою гимнастерку с документами отдал. Вернулся — не нашли ее. А нашли уж после войны документы, при другом хлопике. Схоронили, решили, что он и есть. Не скоро выяснилось. Так и воскрес.

Я слушал и никак не мог понять, что говорит он это все о моем отце, об очкастом физике, который муку обидеть не умеет. О нем. А ведь он никогда ни одной медали не надевал.

— А?..

— Так и знай, — хмыкнул лесник. — Ну и дошлый же ты, горе мне. Откуда он взял чабанскую одежду? Про это? Ну, я, я, я ему принес. И к своим проводил.

Тут я стал маленьким-маленьким перед ним.

И сам своими глазами все увидел. Как командовал «огонь!» раненый и простуженный командир. Как делили последний сухарь и били гадов последними патронами. И вдруг пришел лесник, косопалый, оттого, что колени пораздуло. Он пришел, как привидение, раз его не заметил никто. И если те, кто держал этот плацдарм, — герои, то он — дважды герой. Наши отцы обязаны ему жизнью, а им еще многие другие.

Когда мы вернулись, все, даже моя мама, были на рыбалке. Мы с дядей Саней стали отдыхать и разговаривать, и тут пришла Лада. Я уже понял, что Лада — самая, в общем-то, обыкновенная девочка. Только трудно ей с собой, вот и все. Мне раньше казалось, что слишком уж много человеку времени на детство отпущено, можно бы расти быстрее. Да, наверное, не нужно это, чтобы в пять лет и книжки читать, и понимать взрослых, как взрослых.

Новостей у них не было никаких, и интересного ничего тоже.

— Расскажи что-нибудь ты, — попросила Лада.

— Принцессе грустно, — сказал я. Она не обиделась, и пришлось рассказывать, как мы ездили. Сначала я рассказал про пещеру. Лада внимательно слушала. Тогда я взял и рассказал, как ишу речки и что из этого выходит.

— Знаешь, — серьезно ответила Лада, — такие люди были очень нужны тысячу лет назад. Ведь селенья возникали всегда у рек. А реки надо было искать. Ты бы прославился. Наверное, какой-нибудь твой предок был таким человеком. Это в тебе благодаря генам.

— Как, как?

— Гены. От человека другому человеку передаются различные качества. От деда — к отцу, от отца — к сыну. Причем так, что твой отец мог не знать музыки и не иметь слуха, а дед тоже. Но какой-нибудь ваш родственник был очень одаренным музыкантом. Твой сын может оказаться таким же.

Я взялся за голову и стал думать.

Когда-то это уже приходило мне в голову. Но зачем же тогда жить, если передумаешь за свою жизнь все мысли, какие были до тебя? И трудно все-таки на этом свете, если каждый год новые и новые мальчишки делают заново один и тот же самокат.

— А сейчас мне что делать? — спросил я. — Речки все давным-давно нашли. И новых не появляется. Опоздal родиться лет на пятьсот, да?

Мне стало обидно, даже в глазах зашипало.

— Ничего, — серьезно утешила Лада. —

Ничего, Славка. Время еще есть. Ты поверь себя. Может, совпадение?

— Дядя Саха говорит, не совпадение. Говорит, надо помнить, когда профессию буду выбирать.

— Какой дядя Саха?

— Ну, какой: Александр Михайлович.

— А... Ты же его все время лесником звал. Ничего, Славк, придумаем что-нибудь. Знаешь, а неправда это, что все речки найдены и на карты нанесены. Серьезно. Мы еще многого не знаем о самих себе, да и о земле тоже. И главное не в том, я думаю, чтобы речку найти, а в том, чтобы уметь их искать. Главное — уметь, а речек на каждого хватит, в любое время.

Я кивнул.

Она легла спать, а я сидел у раскладушки и смотрел на нее. Я еле-еле утерпел, чтобы не рассказать о тех солдатах.

Лада спала не шевелясь, будто притворялась, но я-то знал, что она никогда не притворяется. И какая между нами большая разница, хоть нам обоим по двенадцать лет. Но это меня и успокоило, потому что леснику вон сколько и нашим родителям сколько, а нам — всего по двенадцать.

Думал я и о бате своем. Вроде б друзья мы с ним, не то, что у некоторых, а вот главного он мне так и не сказал. И получилось, как в двойной звезде: одна крупная, всем видно. А присмотришься, рядом еще одна. Самая важная. И никакой я не глазастый, если увидел вторую по-настоящему только здесь. И как странно, что меня могло не быть, если бы батя мой не сумел пройти к нашим.

Вот и подошла к концу наша вторая неделя.

К этому времени все вокруг стало знакомым, Лада не слушала больше свой магнитофон, Галина Ивановна и мама наварили варенья, а мы обелились смородины. А еще сидели мы как-то раз с папой под дубом и свистели в прошлогодние шляпки железной. Весело-весело свистели. И тут подошел дядя Витя. Мне пока так и не удалось поговорить с ним, такой он молчаливый. А тут мы поговорили.

Он подошел и сел по-турецки, а мы с папой сидели, раскидав ноги, спиной к дубу, с разных сторон.

— Ты не надумал? — спросил дядя Витя.

— События, значит, перестал свистеть отец и вздохнул. — Но время, Виктор, прошло. Не догнать теперь. И потом не хотелось бы с твоей помощью.

— Чепуха! — махнул рукой тот. — Если сможешь, значит, сможешь, никто за тебя работу не сделает. И никакие связи не помогут.

— Да я не о связях, — поморщился отец. — Вот меня Славка спрашивал, —

он свистнул в шляпку, — почему я учитель, а ты ученый? Не убедил я его. Дядя Витя посмотрел на меня как-то странно и стал усаживаться поудобней. А я глядел на него и тоненько свистел в маленькую шляпку.

— Хороший вопрос, — сказал он. — Я сам над такими вопросами думал недавно. — Он смотрел на меня и говорил одному мне. — Знаешь, когда? Когда вы с Ладой разговаривали. Ты знаешь, что она с радостью поменялась бы с тобой?

— Знаю, — ответил я. — Каждой девочке хочется быть мальчишкой.

— Дело не в этом, — не согласился дядя Витя. — Лада отдала бы тебе и свою школу, и знания, все. Просто мы все устали — и Лада, и Галя, и я. Ведь когда уже точно знаешь, что нашел свое дело, что здесь нужен ты и никто другой — тогда начинается огромнейшая работа. Лада недавно взялась за нее, но работы от этого не меньше. И если бы мы не заставляли ее бегать, прыгать, водить машину, она бы стала... ну роботом, что ли. Я вот чуть не стал. И я завидую твоему отцу.

Я понимал его и видел, что ему очень хочется, чтобы его поняли.

— И леснику завидую, — продолжал он и все смотрел на меня.

— У лесника красивая работа, — то ли возразил, то ли поддерживал отец.

— Умение и ему далось годами. Это сейчас он все делает легко, даже трудно увидеть, когда он работает. Это же высший опыт, когда работа делается вроде бы незаметно, красиво, легко! Так что вот ответ на твой вопрос, Славк, все дело в способностях и в опыте. Я вот считаю, что, если правильно определить призвание и много работать, можно достичь всего. Поэтому и предложил твоему отцу перейти к нам на научную работу. Что ты об этом скажешь?

Он говорил со мной, как с Ладой, как со взрослым человеком. Я не знал, что ответить.

И тут получилось, как уже не раз было — и когда о двойной звезде говорили, и о новой форме. Я сказал:

— Наверное, что лесник, что папа, что я — одинаково.

И пока я это говорил, голос Лады рядом сказал вот что:

— Лесник имеет одинаковые шансы с отцом Святослава, потому что научная информация быстро стареет.

Все оторопели. Это Лада вышла к нам из лесу, стояла позади нас и все слышала. Один я не удивился, я на отца смотрел, но он не обиделся. Он кивнул и поддержал нас:

— Вот и я то же самое говорю. И потом лучше быть королем в маленьком королев-

стве, чем подданным в большом. В классе я король, а у тебя, Виктор, в центре, был бы на побегушках.

— Не пойму, — сказала Лада и села на землю рядом со мной, так же привалилась спиной к дубу. — Не пойму, почему это ты (это она дяде Вите) не хочешь оставить все, как есть. Лучше никому не станет. Святослав вот умеет находить речки, и пусть ищет, и не нужна ему твоя физика. Давай лучше поможем ему в том, что он умеет.

— Слушай, — сказал дядя Витя, и я увидел его на кафедре, перед ним студенты, а он читает лекцию, и солидный-солидный. — Ты прогресс признаешь?

— Признаю.

— А прогресс — это движение от низшего к высшему. Так? Значит, и сами люди не стоят на месте, а движутся вперед, как техника, как наука, как все. Если это верно, тогда верно и другое: третий глаз у людей не появится и через миллион лет, человек развивается, движется вперед только за счет умственного развития. Конечно, мы стали выше ростом, чем древние, но мыслить-то уже в большей степени иначе. Верно?

Попробуй тут не согласиться, если у древних — ни «Волги», ни транзистора.

— Значит, мысли у нас, пусть не совсем, но другие, новые, более сложные, согласен?

Я кивал еще, долго, ничего больше не оставалось — у него все складывалось одно к одному, как кирпичики, и даже свистеть неловко — такой он был солидный.

— Молодец, — сказала Лада отцу. — Как дважды два. Одно я хотела бы знать: ты всегда так твердо в это веришь или в отпуске только?

— Ну знаешь! — рассердился дядя Витя. — Это уже свинство с твоей стороны.

— Ладно-ладно, — усмехнулась она, — прости, я пошутила. Хотела бы я только знать, чем ты измерил перемены в образе мышления?

— Черт те что, а не ребенок! — разозлился дядя Витя. — Слушай, тебе сколько лет, а?

— Следуя твоим, только что приведенным доказательствам, все на земле, включая и время, подвержено эволюции. Поэтому мы ровесники. Элементарная относительность...

Еще как только она сказала, я вдруг... выпалил ей то, что давно собирался сказать:

— Да ты! Ты! Не имеешь права так говорить!

И стало тихо-тихо, до того, что услышалось ворчанье Имеретинки.

— Вундеркинд, тоже мне, — добавил я. Лада растерялась.

— Я был у памятника, — сказал я. — И у могилы. И дядя Саня все мне рассказывал. Вы зря не взяли нас туда раньше.

Мы потом еще долго говорили вчетвером, и, наверное, впервые за это время было хорошо и дяде Вите, и моему отцу, и нам. Мы разожгли костерок, совсем маленький, сидели вокруг него и говорили, и все были друзьями. Мы понимали друг друга, и никому не было трудно.

Так я и не научился просыпаться рано. Но в тот день, когда мы должны были уезжать, проснулся на рассвете. На поляне стояла высокая, вся серебристая от росы, ледяная трава. Тихо было так, что, казалось, уши заложил. А потом зашелкали, засвистали птицы. Сначала спросонья, и вот громче, громче. И на поляну, где был огород лесника, пришла Ланка. Ланка — это ручная лань, и Лада в последние дни играла с ней. Меня Ланка почему-то боялась, и лесника тоже, а приручила ее Максимовна.

Сейчас Ланка стояла, смотрела на меня и не уходила. Я сел, и тогда она потихоньку стала подходить. Я не обращал внимания и не шевелился. Ланка подошла, мы с ней познакомились и пошли по лесу. В глазах рябило от света и листьев, я сдирал с лица паутину и кормил Ланку с руки малиной. Мы бродили долго, и я удивлялся: а почему это она тебя, Славка, признала? И что-то ей рассказывала. Такая тишина вокруг, что молчать трудно было.

А потом внизу посигналили, и эхо посигналило тут же. Ланка убежала так быстро, что я не заметил куда, и пошел к нашим.

Они суетились и собирались.

Максимовна помогала тоже, но не суетясь, а лесник сидел на пенке и курил сигарету. Я сел рядом с ним на землю.

— Малы, что ты маленький, — сказал дядя Саня и посмотрел в горы, на белые извилины вверх. — Я бы тебя к себе взял. Учил бы. Может, лесником бы ты стал, а?

— Не знаю. Может, и стану.

— Вот я смотрю, — говорил дядя Саня, — и удивляюсь. Как у вас все быстро получается! Сегодня — один, завтра — другие, не поймешь вас. Ну, отдохнули, повеселели, это хорошо, понятно. Так и были бы во всем, какими приехали. А то месяца не побыли, а уже совсем другие люди, хоть руку подавай да говори: «Здравствуйте, зовут меня Александр Михайч». Ведь что случилось-то? Ничего.

— Случилось, дядь Саня. Много случилось, — ответил я и понял, что, когда тебе другой человек дорог, ты просто уже не такой глазастый. Вдруг очень жалко стало и лесника, и добрую его Максимовну, и что детей у них нет — жаль стало очень. Никогда еще не было так трудно говорить, как сейчас.

— Ты приезжай как-нибудь, — нахмурился дядя Саня. — Приезжай, брат, ждать будем.

— Ладно, — почему-то шепотом сказал я.

Наши собрали уже все и стали прощаться. Я всегда убежал, когда гости начинали прощаться, а тут мне показалось, что убежать хотел лесник. Не знаю, каждый ведь по себе судит.

Мы сели и поехали, а он с Максимовной стоял у домика и смотрел, как мы уезжаем. В дорогу они насобирали нам кучу всяких подарков. И тут я выскочил из машины, добежал и протянул дяде Сане наш транзистор.

Все было теперь совсем иначе, и ехали мы словно по другой дороге. У лужи той не останавливались, а остановил милиционер.

— Почему больше положенного пассажиров?

— Они ж маленькие, — возразила моя мама.

— Это вам так кажется, — внушительно сказал милиционер, но штрафовать не стал.

Все это так быстро получилось — Ланка, лесник, милиционер, наш дом, что жалко стало. И ночевать они у нас не остались, а только пообедали и уехали. Договорились писать, договорились, что мы к ним в Ленинград приедем, много о чем договорились...

А на улице меня встретили трое моих друзей: Юрка, Сережка и Генка.

— Мне велосипед купили, — сообщил Генка. — На рыбалку можно поехать.

Он даже не подумал, что на двух велосипедах вчетвером далеко не уедешь.

Совсем неинтересно стало и расхотелось рассказывать, где мы были и что делали.

— Спать пойду, — сказал я.

Они удивились. Я, правда, пошел спать, хотя до вечера было еще далеко. Когда я уже в калитку вошел, Сережка крикнул:

— Ну и иди, подумай, съездил на «Волге», так сразу задаваться стал!

Но мне не стало обидно ни чуть-чуть, и я все равно ничего не сказал, а лег и уснул.

Летний вечер тих и ясен;
Посмотри, как дремлют ивы;
Запад неба бледно-красен,
И реки блестят извивы.

От вершин скользя к вершинам,
Ветр ползет лесною высью.
Слышишь ржанье по долинам?
То табун несется рысью.

АФАНАСИЙ ФЕТ

Обознался

Приехал я как-то к своему старому знакомому — деду Ермолаю на пасеку за медом. Хозяин домика, низкорослый, но крепкий старик, ничем не отличался от себе подобных. Немного курнос, бороду и усы не признавал, на здоровье не жаловался. Его любимая поговорка: «Мед от всех хворей первейшее лекарство». В свое время слыл удачливым охотником, но с годами перешел на рыбную ловлю и пчеловодство.

После теплой встречи, обмена новостями и неизменного угощения медом я решил выйти на свежий воздух. Блилась ночь, на небе кое-где появились звездочки. Привыкая к темноте, я с минуту постоял у притолоки настежь открытых дверей и вскоре стал различать ближайшие от себя предметы: жердевой забор, собачью конуру, принесенные для ремонта ульи.

Сладко потягиваясь и глубоко вдыхая чистый воздух, я наслаждался торжественной тишиной погожего летнего вечера. Вдруг с поймы реки донесся негромкий крик:

— Ээ-й! Ээ-й!

Я прислушался. Через некоторое время крик повторился. Сомнений не было: в болоте заблудился человек и зовет на помощь. Я опрометью кинулся в избу и сообщил Ермолаю.

— Да вроде бы некому там плутать. Охотничать теперь нельзя, а рыбаков сегодня не примечал, — рассуждал сам с собой дед. — Однако, пойдем, послушаем да и пособим.

Мы вышли во двор и обратились в слух. Минут через пять с той же стороны послышалось: «Ээ-й!..» И сразу же где-то сбоку: ээ-й!.. Я решил, что плутают двое, но старый пасечник перебил, недослушав:

— Эка, мил человек! Сразу видать: горожанин. Наших-то языков ты и не знаешь. Не люди это...

— А кто же?

— Енотовидные собаки. Вот проказники! Когда вечерняя зорька потухнет, они как бы перекличку между собой учиняют. Воют, стало быть, но на голос человеческого похоже.

— И долго они так будут?

— Когда как: с полчаса, а порой и дольше, — ответил дед Ермолай. — Вишь, ты по неопытности и обмешурился.

К. Савич

Чужие приметы

Августовское утро... Кому не знакома его серебряная прелесть!

Выходишь из лесу на опушку, подернутую дымкой низового тумана, — и сразу перед глазами зеленая поляна в алюминиевой пудре росы. Какие бы высокие сапоги на тебе ни были, а все же лучше идти лесом. За несколько шагов по траве промокнешь до нитки. Да и не хочется грубыми подошвами нарушать застывшее великолепие созревшего разнотравья.

Случайный ветерок качнет верхушку клена, и затрещат его крепкие листья под градом росы. Уронит дерево на землю осыпь алмазных капель, и снова тишина. Только, свистя и хлопая крыльями, поднимется с тропинки лесная птица и унесется в сосновое редкостволие.

И тут на тропинке увидишь вдруг первый опавший лист.

Фото Е. Карпова
и В. Бардеева
Рис. С. Приходько

Как не ахнуть от неожиданности? Ведь лето! В самой, казалось бы поре, в непролазной зелени кущ, буйности репейников и лебеды, в томной яркости малины, веселой россыпи краснобокой брусники и вишневых белоногих сыроежек. Еще не ожтели осины, еще лесной массив густо зелен и могуч, еще вокруг тепло, еще и на календаре написано — лето, но осень, осень уже оставляет на тропинках осторожные следы своих шагов — листья.

Старые березы повесили кое-где желтые прядки ветвей. Слегка поблекли липы. Несколько пунцовых листьев клена загорелись бездымными углями, обещая вот-вот превратить всю крону в полыхающих костер.

Чуткое сердце тревожно отмечает эти малоприметные знаки осени.

Скоро конец лету. Начало дождей, оголению сырого леса, накоплению ворохов шелестящих под ногами листьев и первой тверди промерзающей земли.

Грустно станет на душе.

Но это безотчетная, поверхностная грусть. Стоит покопаться в памяти — и сразу вспомнишь, что и весна имеет свои приметы уже в феврале.

Особенно они заметны тому, кто очень ее ждет. Вспомнишь о том и подумаешь, а стоит ли спешить. К чему искать чужие приметы там, где и своих предостаточно? И тогда август — настоящее лето!

Ю. Калинин

Многослойность времени

Таволга скромно сквозит зеленой вуалью, а недавно еще вскипала прибойной пеной. Цветок у лесной чины был похож на лиловую яхту под парусом, а вот стручок — как две плотно сложенные байдорочки. Интересное превращение! Так вольно вырос горошек, что удивляешься ненароком: вдоль опушки и луга тянется непрерывная зеленая сеть. Зыбко-песочной мглой стоят злаки; зонтики дудника стали почти шарами; ястребинки цветут вперемешку с вереском.

Папоротники-орляки словно сростаются плоскими навесами своих листьев. Может показаться, что эта сплошная страховочная сетка натянута под елями, где пауки занимаются своей воздушной акробатикой. Заглянув под листья, вижу под их решетчатой тенью зеленоперый сочевичник. А мне-то казалось, что он пропал совсем, растворился. Здесь же и герань, тоже давно с ней не виделся; и пальчатые листья хохлатки, и простенькие листья седмичника. Разводя руками папоротник, я гляжу в лицо миновавшей весне: вот она, тут.

Когда-то все эти растения были самыми ранними, самыми заметными в лесу. Сразу после снега зацветали они, ни от кого не таились. Но за ними шла вторая зеленая очередь, потом третья. И теперь они как бы пленники других трав: ютятся, кто где может, но на судьбу не сетуют.

Вот она, многослойность времени: внизу — начальный пласт, над ним — следующий; второе звено заключает внутри себя первое. Оказавшись у папоротника, высоко взметнувшегося над своими соседями, я всегда делаю как бы вертикальный разрез времени и постигаю его строение. Это не слишком сложно: надо только раздвинуть сетчатый папоротниковый навес, чтобы увидеть под ним сохраненное прошлое трав.

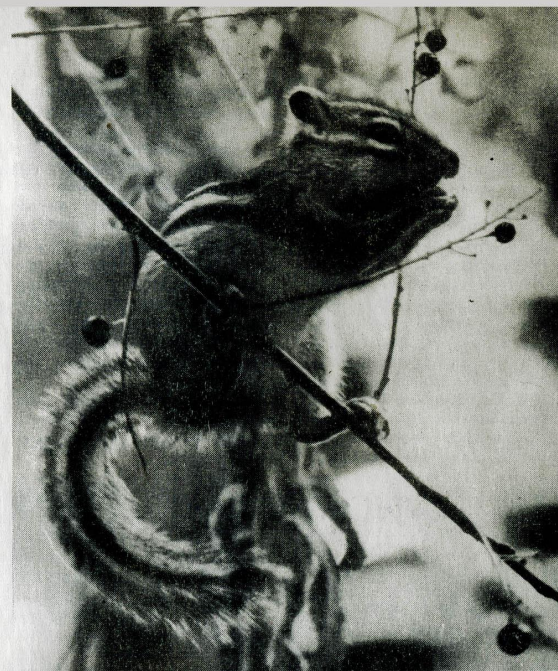
Ю. Линник

Я шел по старой вырубке. Под ногами путалась полегшая трава, за одежду цеплялись темно-серые колочки репея. Наступала осень. За темные пихты спряталась покрасневшая осинка, золотились кроны берез. Тихо. Вдруг дрогнула ветка, качнулась гроздь смородины — из-под листьев выглянула мордочка, перепачканная красным соком. Я остановился и стал наблюдать за полосатым комочком. Бурундук тоже смотрел на меня.

Я нажал на курок фотоаппарата. Бурундучок исчез. Его писк доносился уже с высокого куста калины.

В. Нетисов

Было это все тридцать лет назад. Сдружился я мальчонкой с односельчанином охотником Дмитрием Ивановичем. Грибник он был заядлый, открыл мне, не таясь, свои грибные места.

Казалось, знаем окрест все леса-перелески. Но однажды набрали на незнакомый лесок. А в нем грибов — ни в сказке сказать, ни пером описать. Музей грибов!

Лес попался на редкость смешанный: и ель, и сосна, и береза, и ольха при болотце, и орешник на взгорке, и мягколапая

лиственница. Одних дубов нет. Вот и грибы, как на выставке: подосиновики, подберезовики, валуи, свинушки, лисички, горькушки, белые грибы, опята, сыроежки, моховики, маслята, чесночники, рыжики, козляки... А вперемешку с ними красавцы мухоморы, щеголи грибы-зонтики, ольховые огневики с поднизовым красным огнем, да вот и бледная поганка. И съедобные и ядовитые!

Мы присели, не сговариваясь, на пеньки, взирая на все это музейное богатство.

— В гербарий бы их. Такой случай больше не выпадет! — сокрушенно вымолвил охотник. — Что ты глаза таращишь! Не понимаешь? Есть гербарий и для грибов. Да я же в молодые годы...

В конце концов все светлось к тому, что вернулись мы в деревню — впер-

вые — с пустыми корзинами, поговорили с директором нашей школы, вместе упросили председателя колхоза снарядить за грибами конную подводу, и вот мы — десяток моих одноклассников под строгим присмотром Дмитрия Ивановича — бережно укладываем музейные грибы в телегу с сеном.

В школе поднялся дым коромыслом. Каждому наша работа.

Одна группа готовила желатиновую бумагу. Сто граммов желатина — бесцветного рыбьего клея — растворяли в пол-литровой банке воды. Этим раствором, пока он еще был горячим, смазывали одну сторону листа обыкновенной гладкой чистой бумаги. Смазывали кистью. Раствор кляли толстым, равномерным слоем.

Другая группа ребят просушивала намазанную же-

латиновым раствором бумагу, подкладывала под пресс, чтобы листы не свертывались. Прессом служили кирпичи, а то и квадратные камни.

Третья группа занималась грибами. По указанию нашего командира — Дмитрия Ивановича — отбирала грибы не молодые, а уже в последних стадиях роста. Острым ножом гриб разрезался так, что нож проходил по середине шляпки и ножки. Из одной половины гриба срезали тонкий продольный слой — толщиной в лист писчей бумаги — и сразу же накладывали на размягченную желатиновую бумагу. Она была под рукой. Ребята постарше осторожно клали лист желатиновой бумаги на поверхность воды, налившей в широкий таз, следя, чтобы желатиновый слой был сверху и не смачивался водой. Потом желатиновую бумагу они же переносили на промокательную бумагу, опять-таки желатином сверху — и вот она готова для наклейки гриба! На желатиновой бумаге оставался профиль гриба — по нему можно было рассмотреть внутреннее строение шляпки и ножки.

У оставшейся второй половины гриба срезают пенек у самой шляпки, потом осторожно выковыривают ножом внутреннее губчатое вещество, сохраняя нетронутым наружный слой

пенька. Этот слой накладывают на желатиновую бумагу.

Лучше взять треть поверхности пенька, потому что вся кожица пенька при выпрямлении будет слишком широкой и толстой.

Тем же ножом не спеша, осторожно вырезают мякоть из шляпки и оставляют лишь внешнюю поверхность — кожицу в виде тонкой пленки. Ее наклеивают на желатиновую бумагу.

Рыжики и сыроежки плохо пристаивают к желатиновой бумаге — срезы надо смазывать водой.

Когда весь лист желатиновой бумаги будет полон кожицей грибов, его покрывают тонким полотном, а на это полотно накладывают промокательную бумагу.

На эту промокательную бумагу снова можно положить желатиновую с кожицей грибов на ней, опять накрыть полотном, а на полотно промокательную бумагу в несколько слоев. Получится толстая кляпа, ее надо положить под пресс — камень или кирпич.

Промокательная бумага вытягивает из грибов воду.

Уже через сутки намокшие слои промокательной бумаги заменяют новыми. Высушивание идет быстро. Меняют промокательную бумагу каждый день. Дня

через три-четыре препараты будут готовы.

Прилипнув к желатиновой бумаге, грибы не могут сморщиваться, сжиматься и при засушивании сохраняют первоначальный вид и размеры. Полотно не пристаивает к пластинкам грибов и к промокательной бумаге — оно легко отрывается. Если же промокательную бумагу положить сразу на грибы, то она так прилипнет к ним, что можно испортить препарат.

Когда разрезы грибов хорошо высушены, их тщательно вырезают по контурам и наклеивают на толстую бумагу или картон. Так, чтобы шляпка пришлась на пенек — вот тебе и целый гриб!

У ножки можно наклеить немного моху, травы или сухих листьев — для живости обстановки.

Стены коридора нашей школы ожили. С них с достоинством поглядывали крепыши боровики, кудрявились желтые лисички, горделиво высилась грибзонтик, переливались разноцветьем красавицы сыроежки.

На одной стороне мы повесили препараты съедобных грибов, на другой — несъедобных и ядовитых. Вот когда мы узнали, наконец, сколько добра растет в наших лесах!

В. Костылев

ЗНАКОМЫЕ НЕЗНАКОМЦЫ

Пижма обыкновенная

Спешит, торопится лето: надо успеть и листьям распусться, и цветкам раскраситься, и плодам вызреть. Сменяются в пестром калейдоскопе фиалки и купальницы, клевер и ромашки... Август приносит с собой больше плодов и семян, чем цветов. И только в августе зацветает пижма. Как

увидишь на лугу ее желтые корзинки, так и подумаешь с грустью: «Вот и пижма зацветает, значит, скоро лету конец...»

До глубокой осени по краям полей и вокруг деревьев стоят крепкими прутьями высокие стебли пижмы, развесив темно-зеленые разрезные листья, подняв многочисленные яркие корзинки. Не заметить пижму невозможно, так выделяется она среди окружающих трав. Может быть, поэтому у нее очень много разных названий — растение в каждой области зовут по-своему. Чаще всего пижму зовут дикой рябинкой (или желтой рябинкой), полевым рябинником за сходство с настоящей рябиной

Так же, как и рябина, стройна и прямо пижма, даже листья по цвету и по перистости пластинки похожи на рябиновые. И соцветие пижмы, собранное из плоских ярко-желтых корзиночек, ассоциируется прежде всего с такими знакомыми гроздьями плодов рябины.

Эфирное масло пижмы очень токсично. А горький вкус ей придает вещество танакетин (слово это происходит от латинского названия пижмы «танацетум»). Издавна пижмой лечили заболевания пищеварительных органов и нервные расстройства. И теперь цветочные корзинки пижмы являются официальным сырьем в медицине многих стран. Собирают корзинки в начале цветения. Высушенные цветки — с камфарным запахом и горьким вкусом. Препараты пижмы строго дозируются.

Пижма обычна в Европе и Азии. Зане-

сена в Северную Америку и широко расселилась там. Первыми переселенцами она применялась как консервирующее, ароматическое и лекарственное растение, как заменитель корицы и мускатного ореха.

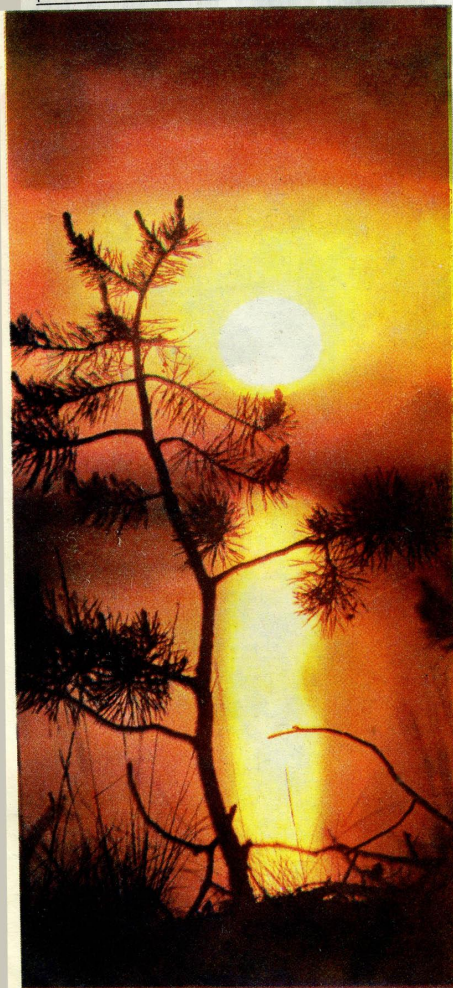
У нас пижма встречается повсеместно. Незаметная в начале лета, она вдруг обнаруживает себя в августе, когда зацветает. Обычна у дорог, на окраинах полей, в лугах. Этот мощный многолетник дает иногда до 100 корзиночек и тысячи семян. Интенсивно размножаясь, он может заселить целые луга. Необычным кажется издали такой луг. Крупные растения непохожи на дикую редьку и сурепку, от которых, бывает, желтеют поля. Только подойдя близко, поймешь, что это разрослась пижма.

К. Глазунова

ПОЗОВИ ГЛУХАРЯ!

Первый раз побывал я здесь в конце мая, но как сейчас помню тот свой поход.

Солнце уже скользило по макушкам берез, когда мы вышли из дому. Прошли через утреннюю, звенящую от птичьих голосов рощу и остановились у большого загона, затянутого белой веревочной сеткой. Вячеслав Васильевич Немцев, научный сотрудник Дарвинского заповедника, открыл калитку. Мы перешагнули порог и очутились в диковинном мире глухарей.

Было время последнего токования. Бородатые петухи, распушив перья и распустив хвосты, важно ходили по загону и пели веселую песню любви. Тут же, в выгулах — по две, три, а в некоторых по пять буроватых глухарок. На нас птицы не обращали внимания, будто нас и не было совсем.

И я вспомнил, как однажды в лесу пробирались мы к глухарьему току. Встали ночью, к току подошли затемно. Долго сидели, прислушиваясь, не запоем ли глухарь. А когда услышали песню, я двинулся к токовику один. Под скриканье, похожее на звук ножа по точилу, можно подойти близко, не боясь спугнуть петуха. Только сделал я два шага — глухарь умолк. Потом опять пощелкал клювом, и наконец щелканье превратилось в шипящую «глухую» песню. Когда рассвело, мне удалось сделать фотопортрет красавца. Здесь же, в загоне, вышагивали по траве горделивые петухи, и даже не верилось, что это глухари, чуткие птицы, древнейшие обитатели наших лесов.

Мало, слишком мало осталось сейчас глухарей. Исчезли они в большинстве европейских стран, да и в зоопарках редко встретишь этих птиц: не выносят они клеток. Вот почему не раз пытались люди разводить их в неволе. Только мало выходило проку. Глухарь — птица осторожная, остро реагирующая на так называемый фактор беспокойства. К тому же он страшно восприимчив к инфекциям. Вот и получалось, что в неволе птицы, как правило, гибли. А на ферме заповедника глухари не только живут, но и дают потомство. Правда, много

пришлось поработать ученым, прежде чем получили они обнадеживающие результаты.

Сейчас Вячеслав Васильевич вспоминает об этом с веселой улыбкой. Как собирали в лесу глухарьиные яйца, складывая их в термос, чтобы не остыли по дороге на ферму. Как искали среди хохлаток подходящую наседку с характером незлобивым. И сколько же было радости, когда запищали наконец вылупившиеся глухарята! Но хоть и спокойна была приемная мать, но и она часто теряла терпение, не понимая глухариный писк. Тогда доставалось птенцам. Так что после первого опыта много птенцов погибло. Казалось, что так и не удастся решить проблему разведения глухарей. Но ученые не сдавались. И первые проблески удачи пришли тогда, когда построили «брудергауз».

Этот маленький домик на окраине поселка мало кому бросается в глаза. Но именно здесь начинают свою жизнь глухарята. Выведенные в инкубаторе, они содержатся в «брудере», так здесь сокращенно называют этот домик, до трех месяцев. Только «брудер» разрешил проблему стерильности. Пол его из цемента, безединой самой маленькой щелочки. Это чтобы даже червяк не проник к птенцам. Сверху цемента насыпан речной песок, промытый, крепко прокаленный. Настоящее царство стерильности, потому и висит на двери строгая табличка: «Посторонним вход воспрещен!»

Вячеслав Васильевич рассказал, что сегодня в заповеднике создано солидное маточное стадо. Возможно, недалек тот день, когда можно будет расселять древнейших птиц по нашим лесам. Пусть обживают свои

Гадюки.

излюбленные места! Значит, не исчезнет с лица земли эта красивая птица, значит, долго будет радовать своими песнями человека.

Вдруг Вячеслав Васильевич умолк и направился к веранде «брудера», где за проволочной сеткой копошились в светлом песке птенцы.

— Кр-р-ру! — резко произнес он, и несмышленые глухарята тотчас бросились врассыпную. Забавно было видеть, как затаились, замерли они в песке.

— Позови глухаря! — предложил мне Вячеслав Васильевич.

Видя мой недоуменный взгляд, он тихонько заверещал языком: «Ала-ла-ла». Птенцы, услышав отбой тревоги, который обычно подает им мать-наседка, снова завопили за сеткой.

«Позови глухаря!» Не правда ли, символичны эти слова? Ведь они говорят о том, что редких птиц с успехом можно разводить в неволе. И конечно же, охватывает гордость за ученых заповедника, решающих трудную проблему.

Второй раз посчастливилось мне посетить Дарвинский заповедник в самый разгар лета. Уже стих в лесу гулкий голос ворожеи-кукушки, уже по пояс стояли на полянах лесные травы, а распаленные солнцем сосновые боры источали терпкий смоляной дух. И вода в Рыбинском водохранилище, на берегах которого раскинулся заповедник, как-то поблекла, поседела. Не было уже вокруг весеннего красочного цветения, прозрачной сочности молодой майской листвы, лес заматерел, набрав полную силу, показывая свое величественное могущество и крепость.

И снова ходил я в гости к подросшим уже птенцам глухарей, встречался с учеными заповедника, слушал новые истории, рассказывающие о поиске и упорстве людей одержимых.

Тропы заповедника! Они пролегли не только по лесным чащобам. Они падают с крутизны оврагов, ложатся под ноги болотными гатями, сверкают желтым гляncем прибрежных песков. Одна из них, пролежавшая через низкорослый осинник к пружинящим кочкам мохового болотца, свела меня с ученым-герпетологом, заведующей сектором Центральной лаборатории охраны природы, Зоей Васильевной Беловой.

Поначалу я изумился, как осторожно шла она по тропе, чутко ловя каждый шорох. Со стороны могло показаться, что женщина боится чего-то, оттого так осторожно ступает по влажной земле, то и дело озираясь по сторонам, будто вот-вот должно произойти что-то непредвиденное. Иногда Зоя Васильевна останавливалась, сходила с тропы и длинной упругой веткой с развилкой на конце

ворошила густую траву. Может, все бы так и осталось для меня тайной, если бы вдруг не попалась ученой та первая змея. Ловко прижав ее рогулькой, Зоя Васильевна едва уловимым движением схватила гадюку за голову. И та, свиваясь спиралью, забилась, пытаясь вырваться из крепких тисков руки. Все это произошло так быстро, что, когда я подошел к Зое Васильевне, она выпускала уже гадюку назад, в траву. Вот когда я услышал страстную речь об огромной пользе змей, которых мы, чего греха таить, нередко стараемся прикончить, то ли из страха, то ли по своей непростительной безграмотности.

Каждый прекрасно знает о целительных свойствах змеиного яда, о лекарствах и препаратах из него, возвращающих людям здоровье. Недаром ведь на эмблеме медицины с древних времен изображена над чашей змея. Это всем, видимо, понятно. Только не каждый знает, как трудоемок сам процесс сбора змеиного яда. В специальных питомниках содержат сегодня змей, в том числе и наших гадюк. Сколько же их нужно отловить, чтобы собрать достаточное количество яда, если от одной змеи можно получить его лишь ничтожное количество. Лучше, конечно, разводить ядовитых змей в питомнике, но вот беда: почти не дают они в неволе потомства. Оттого и уходят в поход ученые, чтобы узнать как можно больше о жизни полезных животных.

Уже не один год приезжает в Дарвинский заповедник Зоя Васильевна. В высоких охотничьих сапогах ходит она по лесным опушкам, торфяникам, спускается на дно угрюмых оврагов. И каждая новая встреча со змеями доставляет ей настоящую радость.

Правда, походы ее спланированы заранее. Известны ученой многие места обитания змей, их охотничьи участки. Наперечет знает она и места зимовок гадюк. Как же иначе — ведь любую пойманную змею Зоя Васильевна сначала обязательно метит, а потом отпускает на свободу.

Вторая змея, пойманная в тот день, оказалась старой знакомой. Зоя Васильевна измерила гадюку, долго рассматривала ее, а потом, когда пленница, шипя, уползла в заросли, достала блокнот и стала что-то в него записывать.

— Сравню со старыми записями, и все будет ясно, — сказала она.

Вскоре отправились мы домой, в поселок. Лесная тропинка петляла сквозь сосновые боры, березовые рощи. Впереди тропу переходила медведица с медвежатами. Мы остановились, не решаясь приблизить-

ся к опасному семейству, — мало ли что на уме у озабоченной мамы.

Я провожал взглядом хозяев здешних лесов и думал о большом труде сотрудников заповедника, оберегающих покой лесных обитателей, сохраняющих природу

в ее первозданной красоте. И я вспоминал слова Вячеслава Васильевича Немцева: «Позови глухаря!»

И. Константинов
Фото автора

Самка глухаря.

Фото Н. Бохонова
и Р. Воронова

Грибы-акробаты

Грибы. При этом слове сразу встают перед глазами крепкие боровики, яркие красноголовые подосиновики, разноцветные сыроежки. Войдя в лес, мы сразу опускаем взгляд на землю — там мы привыкли находить грибы. Действительно, множество грибов растет на почве. Но, пожалуй, не меньше их селится на стволах и ветвях деревьев, на пнях и валежнике. Среди таких грибов всем хорошо известны крупные копытообразные трутовики. Их грибница находится в стволе дерева, а плодовые тела на его поверхности. Эти грибы — активнейшие разрушители древесины. Без них невозможен был бы круговорот веществ в лесу. И лес оказался бы заваленным, захламленным упавшими стволами, сучьями, пнями. Не осталось бы места для новой поросли деревьев и кустарников.

Плодовые тела некоторых трутовиков, особенно сероватого настоящего, чаще всего растущего на стволах берез, или нарядного окаймленного трутовика с вишнево-красным, как бы лакированным верхом, часто используют для изготовления различных поделок: пепельниц, подсвечников. Но мало кто знает, что среди грибов, растущих на древесине, кроме осеннего опенка и зимнего гриба, есть хорошие съедобные шляпочные грибы. И таких немало. Особенно интересны два: летний опенок (фото на четвертой странице обложки) и вешенка обыкновенная (фото 3). У летнего опенка тонко-мясистая плоская шляпка с бугорком, желто-бурая, как бы напитанная водой. Пластинки у него низбегают по ножке. Сначала они кремовые, а затем ржаво-бурые. Ножка тонкая, полая, с кольцом. Когда гриб созревает, кольцо может

исчезнуть, оставив на ножке только темноватый след. У вешенки шляпка сидит на ножке боком, диаметр ее 5—12 сантиметров. Она может быть буровой, почти белой, а иногда серо-желтоватой. Пластинки всегда белые. Эти грибы селятся на пнях, отмерших стволах деревьев, валежнике и образуют сразу очень много плодовых тел — они очень урожайны. Да и плодоносит вешенка почти все лето: с июня по октябрь. Поэтому-то и обратила она на себя внимание грибоводов: а нельзя ли ее

сделать домашним грибом, выращивать в парниках или теплицах как шампиньон?

Проблема разведения шляпочных грибов с давних пор привлекает внимание ученых-микологов. Однако из огромного количества видов в настоящее время выращивают только 4—5. Около 250 лет почти во всех странах разводят шампиньон. Более 2000 лет выращивают древоразрушающий гриб «шиитаке» из рода лентинус. Этот гриб широко разводят в странах Дальнего Востока, особенно в Японии. От деда к

внуку, из поколения в поколение передавались секреты его выращивания, и только в последние десятилетия они были раскрыты. Дикорастущий гриб из рода лентинус, растущий у нас на пнях деревьев, изображен на фото 1. В Юго-Восточной Азии разводят несколько видов грибов на соломе. А во Франции черный трюфель — культура такая же старая, как и шампиньон.

Естественно, интерес к разведению грибов — этого отличного по вкусовым качествам продукта питания — не ослабевает. Немецкие микологи разработали способ выращивания летнего опенка на древесине. Специалисты готовят посадочный материал — грибницу — в виде пасты, которой обмазывают отрезки древесины разных пород (березы, бука). Затем эти кусочки помещают в парники, подвалы, теплицы или ставят на открытом воздухе в зате-

ненных местах. Через 8—9 месяцев появляются плодовые тела, урожай можно снимать 1—2 раза в год в течение 2—3 лет. За три года с отрезка древесины в 20—25 сантиметров собирают около полутора килограммов отличных грибов.

Так же можно выращивать и вешенку. Но в отличие от летнего опенка для ее разведения используют обработанные особым способом опилки, солому, стержни от кукурузных початков, куда добавлены минеральные и органические вещества. Это очень перспективный для разведения гриб. Экспериментальные работы по выращиванию вешенки и летнего опенка начаты и в нашей стране.

Интересно отметить, что на древесине растут и представители хорошо всем известного рода дождевиков. Так, дождевик грушевидный избрал местом своей жизни

2

3

только полуразложившуюся древесину. Его мы никогда не найдем на почве. Гриб растет большими семьями только на стволах, пнях или небольших гнилушках. Как и все дождевики, он сначала белый или кремоватый, плотный, с белой мякотью, грушевид-

ной или яйцевидной формы, 1—3 сантиметра в диаметре. Таким его и едят. Позже он приобретает буроватую окраску, а внутри плодовое тело превращается в порошок бурых спор. Если ударить по грибу, в воздух поднимается пыльное облачко.

По тому, в каком направлении летят облачка этих легчайших спор, можно определить направление движения воздуха в лесу даже в самый тихий день. Этим способом пользовались североамериканские индейцы-охотники, подкрадываясь к зверю с подветренной стороны.

Среди растущих на древесине грибов, есть такие, которые не только разлагают мертвую древесину, но и паразитируют на живых деревьях. И самые опасные среди них — осенний опенок и корневая губка (фото 2).

Толстые плотные тяжи осеннего опенка идут по стволу дерева, проходят к корням, начинают тянуть из них питательные вещества, и дерево заболевает корневой гнилью. Осенний опенок поражает 236 видов древесных, кустарниковых и даже некоторых травянистых растений, например картофеля, банан. Пораженное осенним опенком дерево быстро погибает. Может осенний опенок жить и как сапрофит, но тогда он обычно поселяется на свежих пнях.

Еще более страшный враг леса — корневая губка. Наверное, не раз приходилось всем видеть в лесу вывороченные с корнем сосны, ели. Чаше всего это работа корневой губки. Грибница ее проходит в корнях деревьев или поднимается по стволу на два, реже на пять метров. Обычно корневая губка поражает комлевую часть ствола. Зараженное дерево разрушается, в нем появляются пустоты, образуются дупла, отмирают корни. Такое дерево легко становится жертвой ветра. Плодовые тела образуются уже на вывороченных из земли корнях или у основания стволов пораженных деревьев. Иногда кажется, что грибы растут на почве у дерева. Но это лишь означает, что в этом месте близко к поверхности находятся пораженные корневой губкой корни.

Плодовые тела корневой губки имеют разнообразную, часто неправильную форму, нередко они срастаются вместе. Поверхность грибов — светло-бурая или шоколадная, с беловатым или кремовым краем.

Корневая губка — опаснейший паразит. Кроме сосны и ели, поражает этот гриб пихту, кедр. Споры гриба проникают через отмершие корни или ранки на коре у основания ствола дерева и заражают его.

Корневая губка может поселяться и как сапрофит на заготовленной древесине, делает ее непригодной для дальнейшего использования. Растет она и на пнях.

Лес — это огромный, очень сложный комплекс организмов. Главные среди них — деревья. И грибы, живущие на древесине, играют в нем свою большую роль.

Л. Гарибова,
кандидат биологических наук

Кому мать, кому мачеха

Когда лето к своей середине приближается, кусты бузины начинают украшать себя ягодками-бусинками. Мелькают огненно-красные гроздья среди резной листвы. Во всем лесу бузина в это время самая нарядная.

Манит к себе бузина птиц. Приготовила она для них и стол и дом: ягодами угощает, в гуще ветвей от посторонних глаз прячет. Любят мелкие птички в бузине гнезда вить, птенцов выкармливать. И по-своему они бузину благодарят — ягоды съедят, а семена по всей округе разнесут, расселиться помогут.

А вот мыши и крысы бузину не любят, запаха ее не переносят. В сарае или амбаре, возле которого бузина растет, мыши не заводятся. Избегают мест, где пахнет бузиной, и многие насекомые-вредители. Вот почему это растение все больше завоевывает симпатии садоводов-любителей. Даже свежесорванные ветки бузины, воткнутые в землю вокруг смородины или крыжовника, не подпускают к кустам вредных насекомых.

Много еще положительных качеств у этого чудесного кустарника. Прекрасно растет он на крутизне, тем самым укрепляя склоны оврагов, не давая воде размывать их. Не боится бузина засухи. Нетребовательна к почве. Более того, так как листья бузины очень богаты зольными элементами, то там, где она растет, земля с каждым годом становится плодороднее. Не страшны бузине дым и промышленные газы, значит, может она прекрасно расти на территориях предприятий.

Как видите, бузину есть за что любить. И нужно, чтобы этот кустарник не выламывали, не выбрасывали из наших садов и парков, а, наоборот, высаживали побольше, где есть неудобные земли: в оврагах, низинах, на крутосклонах. Там другие кустарники с трудом приживаются. А если хотите, чтобы бузина глаз радовала, вырастите ее на высоком штамбе, в виде деревца. Шаровидная крона бузины будет особенно декоративна в пору, когда на ней появятся багряно-красные гроздья ягод.

В. Синадская

Фото В. Давыдова

Трудно найти на Земле зверя, который был бы так же могуч и ловок, красив и бесстрашен и так широко известен людям всех континентов, как тигр. Слоны? Предположим. Лев? Допустим. Носорог? Медведь? Нет, нет!

Не умаляя достоинств гигантов Африки — слона и льва, я полагаю, что именно тигр по праву должен носить корону царя зверей. Посмотрите, сколько в нем поистине чудовищной силы и... грации! Поверьте, что тигр среди зверей и интеллектуал, и храбрец, и даже рыцарь. А такую яркую красивую и вместе с тем практичную для заядлейшего и опытейшего охотника одежду вряд ли кто еще имеет. Она — и царская мантия, и рабочий комбинезон, и надежная защита от жары и холода.

Мне посчастливилось много лет изучать жизнь животных Уссурийской тайги и хорошо познакомиться с уссурийским (а точнее, амурским) тигром. Больше всего меня интересовала его экология: образ жизни, повадки, взаимоотношения с соседями по тайге. О них я и расскажу.

Тигр — один из самых больших наземных хищников нашей планеты, в этом его опередили лишь медведи. Судите сами: вес крупного амурского тигра достигает 300—350 килограммов при длине тела от носа до корня хвоста до 2,5—3 метров. Лося и изюбра он добывает без труда, а тушу весом в центнер несет в зубах легко и свободно. И даже преодолевает с ней препятствие в рост человека.

Туловище тигра можно назвать многопудовой грудой крепчайших, до совершенства натренированных мускулов. И при всем этом могуществе движения тигра плавны, мягки и грациозны. По лесу он передвигается неслышно и незаметно, а когда остановится, прислушиваясь, подобен великопленому изваянию. Он легко лазает по крутым склонам и скалам, прекрасно плавает. Настоящее полосатое совершенство!

Еще в начале нашего века тигр был широко распространен на значительной части Азии — от Каспийского моря до Японского, от Приамурья до Индонезии. В нашей стране он обитал в Закавказье, Средней Азии, встречался в Забайкалье. Усиленное преследование и неограниченная охота на тигров привели к резкому сокращению его ареала и численности. За последние 40 лет численность бенгальского тигра сократилась в двадцать раз, и теперь их осталось не более двух тысяч.

Судьба амурского тигра, как и его бенгальского собрата, полна драматизма. В середине XIX века он был многочислен. А в тридцатых годах тигр изредка встречался лишь в самых глухих уголках Уссурийской тайги, трудно доступных для че-

ловека, и оказался таким образом на грани исчезновения.

В 1935 году был организован большой и единственный в своем роде Сихотэ-Алинский государственный заповедник. Талантливый зоолог и прекрасный таежник Лев Григорьевич Капланов начал подробно изучать биологию тигра. Он много времени и энергии потратил на то, чтобы познакомиться с этим зверем «в лицо», «сойтись с ним на «ты», узнать всю его подноготную. Л. Г. Капланов бродил по огромным кошачьим следам в одиночку и с егерем, зимой и летом, светлыми солнечными днями и в непогоду. Льву Григорьевичу удалось узнать о тигре много нового, перечеркнуть старые басни и необоснованные обвинения. Безжалостная рука коварного браконьера оборвала молодую жизнь исследователя. Однако свет увидел правдивую книгу Л. Г. Капанова о тигре, в которой научно обоснована необходимость охраны этого прекрасного зверя. С 1947 года охота на тигра была строго запрещена. Даже отлов тигрят для зоопарков допускался единично, по специальным разрешениям.

Эти меры оказались своевременными. Уже в 1957 году численность амурского тигра в сравнении с тридцатыми годами почти удвоилась, а к началу шестидесятых перевалила за сотню. Снова стали обычными следы громадной кошки в обширных таежных дебрях старого Сихотэ-Алия, они появились в местах, где их не было 20—30 лет. В 1971 году поголовье тигра здесь достигло 150, а к настоящему времени возросло до 160—170 животных. И хотя теперь численность не вызывает опасений за судьбу красоты и гордости Уссурийской тайги, охота на тигра остается под запретом.

Типичные места обитания амурского тигра — его дом — горные широколиственные и кедрово-широколиственные леса. Особенно любит он леса со склонами, крутыми и высокими утесами, с каменными нишами и пещерами. Здесь хищник всегда находит корм, без труда с высоких точек обозревает свои владения, имеет в достатке удобные для логова места, уединенно выращивает свое полосатое потомство.

Больше всего тигра интересуют кабан и изюбр, хотя он изредка охотится и на лося, медведя, косулю, кабаргу, а случается, и на зайца. Задав крупного зверя, тигр живет около него 5—10 дней, отъедается, жиреет, а потом ищет новую добычу.

Тигр — охотник профессиональный. На охоте он полагается в основном на острое зрение и тонкий слух. Обонянием тигр, как и все кошачьи, слаб. Намеченную жертву осторожно караулит, мастерски скрадывает, затем настывает стремительными прыжками. В броске на короткой дистанции он, как молния: расстояние в 15 метров пре-

одолевать за секунду. Но долго бежать не может: устает. Вот почему тигр всегда стремится подкрасться как можно ближе, чтобы закончить охоту несколькими прыжками. Жертва, настигнутая им, редко вырывается. Иногда она и понять не успевает, что с нею случилось.

Однажды я «прочитал» по следам, как крупный самец убил сразу двух пасшихся рядом изюбров: первого — в полете, в прыжке ударом могучей лапы, второго — при приземлении.

Ест тигр довольно много: до 30—40 килограммов за один прием. Голодный крупный зверь может съесть и 50 килограммов мяса. Обычно же изюбра или кабана весом в полтора центнера ему хватает на неделю, а большого лося или медведя — на 10 дней.

После успешной охоты и отдыха на обильной пище тигру не всегда удается сразу добыть другое животное, и тогда он не ест несколько дней подряд. Даже длительную голодовку тигр переносит без последствий для своего организма, потому что слой сала на боках и животе у него достигает толщины в пять сантиметров.

В еде тигра нельзя назвать неприхотливым. Он очень любит жирную медвежатину и кабанятину, свежее мясо изюбра и козули. Нередко свою добычу бросает лишь напополам, а иногда и того меньше, съеденной. Летом полежавшее, а зимой промерзшее мясо ест с неохотой и стремится добыть свежее. Вот почему в год убивает до 60—70 крупных животных. Если бы свои жертвы он съедал полностью, то ему хватило бы и половины добычи.

Кровожадным зверем тигра нельзя называть, но объективности ради отметим, что иногда некоторые хищники проявляют жестокость. Старый или больной тигр, забравшийся в коровник, случается, приходит в осатанелую ярость, круша все живое направо и налево. Но такие случаи надо считать исключением из правил.

Перед очередной охотой тигр тщательно моется: валяется и трется о снег или купается в реке. Так он старается очистить себя от специфического запаха, который может выдать его на охоте.

Ходить тигр не любит, но при необходимости совершает быстрые и дальние переходы, иногда до 40—60 километров в сутки. А вот спать любит, и в этом он не ушел далеко от нашей домашней кошки, которая вечно дремлет.

Ходит тигр обычно по тропам вдоль рек или по льду, по гребням хребтов, откуда далеко просматриваются склоны. Часто отдыхает в таких местах, осматривает с высоты свое царство.

Иногда пишут, что после каждой добычи тигр отправляется в далекий путь, не об-

ращая внимания на свежие следы животных. Это не так. Наблюдения показали, что дальние переходы тигр делает редко. Гораздо чаще зверь начинает охотиться, как только представляется возможность.

Обычно тигры живут оседло, каждый на своем индивидуальном охотничьем участке. Самец и самка — рядом. Свою территорию звери охраняют от пришельцев, решительно гонят и своих собратьев, и других крупных хищников. Особенно волка, которого люто ненавидят и при всяком удобном — и неудобном то же! — случае стремятся убить.

Тигры — звери-одиночки. Они, не в пример львам, не признают стайной жизни, любят уединение. Даже с сородичами агрессивны, особенно с покушающимися на чужую территорию. И как установили ученые, эта внутривидовая агрессивность просто необходима для того, чтобы территория между зверями распределялась наиболее рационально и каждый на ней знал свое место. В драках же решается и извечный вопрос: кто получит право оставить потомство. Разумеется, его оставляет самый сильный.

Принято считать, что в драках-поединках гибнут многие животные. Это вовсе не так. До смерти побежденного обычно не бьют. Слабый, как только поймет, что проигрывает, стремится быстрее ретироваться, а сильный проявляет великодушие. Судите сами.

...Было это в Приморье в снежном и морозном декабре. Встретились два тигра-самца. Оба взрослые, оба могучие. Но один из них был на своем охотничьем участке, другой — бродяга — вторгся в чужое владение. Дрались долго, остервенело. Измели снег, переломали кустарник и подрост. Ревели — «за три версты» слышно было. Все живое в страхе притихло. В конце концов бродяга сдался и ушел. А через несколько дней нашли его мертвым. Вывели в город, вскрыли, обследовали. И странное дело! Шкура зверя была целой! Только большие кровоподтеки свидетельствовали о том, что погибший был в яростной драке. Оказывается, тигры дрались тумаками, не пуская в ход свои зубы и когти — эти ужасные орудия смерти. Они выясняли, кто сильнее, без кровопролития. Погиб же побежденный по другой причине: он был давно серьезно болен и вскоре умер бы и без драки.

Разумеется, в поединках дело иногда доходит и до крови, но это скорее исключение из правил.

Свадьбы у тигра бывают в любом месяце, и все-таки чаще всего в конце зимы. А через 3,5 месяца в самом глухом непролазном месте уединившаяся тигрица приносит детенышей. Обычно их два-три, иногда один или четыре, и очень редко — пять.

Малыши беспомощны, весят не более килограмма, но развиваются и растут быстро. В двухнедельном возрасте прозревают, слышат, в месяц удваивают свой вес, становятся шустрými, любознательными. Выбираются из логова и даже пытаются лазить по деревьям. К мясу начинают приобщаться уже в двухмесячном возрасте, но материнское молоко сосут до полугода.

В этом возрасте тигрята достигают веса большой собаки и целиком переходят на мясо — отныне и до конца дней. Мать сначала носит им со своих охот свежую пищу, потом водит от одной добычи к другой. Двухлетние тигрята весят до ста килограммов и начинают охотиться сами под мастерским руководством матери. Тигрица терпеливо и обстоятельно стремится передать наследникам весь свой опыт, всю житейскую премудрость. Она отпустит своих детей к самостоятельной жизни в сложный мир полностью сформировавшимся и хорошо подготовленными. Много забот у тигрицы, и она справляется с ними одна. Тигр не принимает какого-либо участия в воспитании своих детей, хотя живет нередко рядом с ними.

Распадается тигриная семья, когда молодым исполняется по три года. На четвертом году жизни они становятся самостоятельными. В естественных условиях тигры живут в среднем десять-пятнадцать лет, а в зоопарках дольше. Растут всю жизнь и потому к старости достигают наибольших размеров.

Врагов у амурского тигра практически нет. Его осилить может лишь очень крупный бурый медведь. В Уссурийской тайге поединки этих двух гигантов не редкость. Победителями оказываются в некоторых случаях медведи, чаще — тигры. Оба живыми с места кровавой встречи уходят редко: дерутся насмерть. Побежденный съедается.

Сражение тигра с медведем представляет страшную картину. Их рев слышно за два три километра. В огромном мечущемся клубе сверху мелькает то бурое, то черно-желто-полосатое. Шерсть летит ключьями. Кустарники сминаются как трава, а деревья в руку толщиной ломаются как спички. Гигантская кошка стремится закончить поединок быстро. Но если ей не удастся одолеть противника в первые пять-шесть минут, шансов победить у нее остается все меньше и меньше: она выдыхается быстрее выносливого медведя.

Иногда тигр не решается напасть на очень крупного уссурийского кабана-секача, который обладает огромной силой, неустрашимостью и грозным оружием — клыками. Тигр не боится секачей, просто не хочет рисковать своей царской шкурой. Да и ни к чему ему это: более легкая добыча от

него не уйдет! Правда, молодые тигры, у которых силы много, а опыта и осторожности еще мало, иногда нападают на секачей, и некоторые из них за эту неосторожность платят жизнью.

Но характеристика тигра была бы неполной, если не сказать о его уме. Тигр очень смысленный зверь. Он необыкновенно хитер, способен оценивать сложную обстановку, у него тонкая интуиция. И неудивительно, что многие охотники, подолгу живя в тигриных местах, видят лишь многочисленные громадные кошачьи следы.

За последние годы в связи с увеличением численности амурского тигра участились встречи его с человеком. Чаще хищник стал нападать на домашних животных. Это делают главным образом старые или больные тигры, не способные регулярно добывать диких животных. И нередко выясняется, что четвероногих браконьеров раньше покалечил человек. Вот и получается: за грехи людей гибнут их животные.

Чаще случается другое. В тайге, где постоянно живут тигры, много дней подряд иногда пасется отбившийся или заблудившийся скот, а когда его находят, он оказывается в целости и сохранности. Скорее бурый медведь задержит корову, лошадь или свинью, чем тигр.

Надо отметить еще исключение из правил. Тигр всегда испытывает непреодолимую ненависть к собакам и использует любую возможность для того, чтобы задавить их. Даже если собака бежит рядом с хозяином или сидит у самого таежного зимовья в конуре или на привязи. Вероятно, здесь проявляется извечная вражда кошек и собак. Впрочем, собачатину тигр ест с большим удовольствием.

Тигр очень любопытен и при всяком удобном случае наблюдает за человеком, ходит по его следам, иногда незаметно сопровождает лесного путника, не проявляя агрессивности. При случайных встречах с человеком, даже вплотную, спокойно сворачивает в сторону, как бы уступая ему дорогу.

Случается, любопытство берет верх, и тигр не уходит от заметившего его человека. Как-то на лесной дороге заглух мотор автомобиля. Шофер вылез из кабины и стал искать причину неисправности. И вдруг видит: рядом стоит большой тигр и спокойно смотрит на него. Вроде бы наблюдает, правильно ли ведется ремонт техники. Шофер вскочил в кабину, захлопнул дверь. Через несколько минут (не сразу придишь в себя от такой встречи!) он начал кричать, стучать по железу, потом стал поджигать куски ватной телогрейки и бросать их в тигра, но тот уселся у радиатора и с любопытством смотрел представление. Удалился он не спеша, когда подъехала другая автомашинка.

Несколько лет назад в Приморье одному большому тигру понравилось отдыхать на шоссе. Днем он с любопытством рассматривал машины, подпускал их вплотную, а потом спокойно... уступал им дорогу. И снова ложился, как бы ожидая другую машину.

Случается и курьезное. Однажды вечером около села Крещатик в Приморском крае молодой тигр незаметно подошел к женщине и тихо фыркнул: «Ууфф». На языке тигров это означает «привет». От такого приветствия женщина обмерла и ринулась к дому. До него было около ста метров, и всю эту стометровку тигр легкими прыжками, как бы играя, бежал рядом с женщиной, периодически издавая свое «ууфф». Перед захлопнувшейся калиткой зверь остановился и вроде бы обиделся: я ведь без злого умысла.

Правда, иногда тигр, особенно тигрица с котятами, при встрече с человеком ведет себя угрожающе, дерзко. Но до нападения дело не доходит. Человек для амурского тигра неприкосновенен.

Такое почтительное отношение нашего тигра к человеку в общем-то довольно загадочно. Сто лет назад, как сообщал всемирно известный русский путешественник

Н. М. Пржевальский, нападения тигра на жителей Уссурийского края были весьма обычны. Люди панически боялись не только зверя, даже его следов. В книге «Путешествие в Уссурийском крае» красочно описаны многочисленные случаи кровавых дел тигра.

В наше время амурский тигр совсем другой, чего нельзя сказать о тиграх бенгальских, среди которых много людоедов. Например, в индийском штате Западная Бенгалия численность тигра примерно такая же, как в нашем Уссурийском крае — 140 голов. А за 1968—1972 годы эти тигры убили более 150 человек. В Сундарбане бенгальские тигры убивают в среднем 75 человек в год. Индийские зоологи установили, что среди сундарбанских тигров каждый четвертый — явный людоед, а остальные — людоеды косвенные или случайные. И тем не менее тигры в Индии охраняются.

Причинами распространения тигров-людоедов в Индии послужило интенсивное уничтожение лесов, неумелая охота на зверей: поклеванные тигры в озлоблении мстят.

Но хотя наш амурский тигр от встреч с людьми, как правило, уклоняется, уступает им дорогу, человека он не боится и очень не любит, когда тот его преследует. Рискованно ходить за тигром по следу, а поднять на него оружие — смертельно опасно.

Совсем недавно опытному егерю Приморского охотуправления было поручено отстрелять тигра, повадившегося в оленевых хозяйствах и за полгода задавившего несколько десятков пятнистых оленей. На охоту отправился втроем. Выследили, стреляли. Тигр ушел и... затаился. Его бросок был молниеносным, а рев жутким. В несколько секунд егерь был изранен, но ему посчастливилось остаться живым, потому что товарищи его не растерялись.

Интересная деталь в поведении амурского тигра: в вынужденных нападениях он, как правило, не убивает человека насмерть, хотя ранит его основательно.

Из-за резкого сокращения ареала и численности тигр занесен в международную «Красную книгу» редких и исчезающих млекопитающих. Этот зверь — великолепное творение природы, он заслуживает бережного отношения к себе. Наш амурский подвид нуждается в особо строгой охране, потому что на юге Дальнего Востока теперь находится последний резерват тигров в Советском Союзе. А представить уссурийскую тайгу без тигра так же трудно, как Антарктику без пингвинов, Африку — без львов, а Арктику — без белых медведей.

С. Кучеренко,
кандидат биологических наук

Рис. В. Карабута

Если вы предполагаете, что мышовка — это то же, что и мышь, то глубоко ошибаетесь.

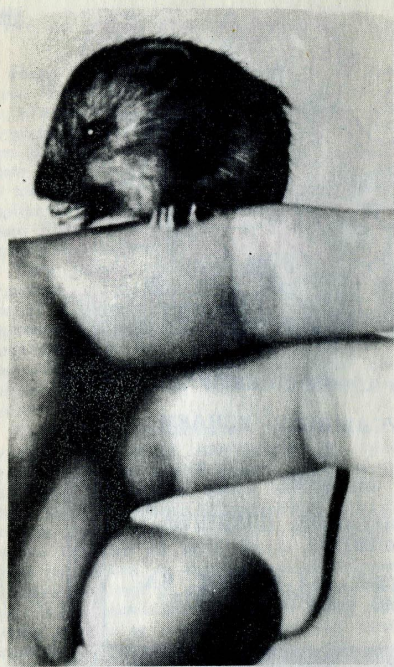
Но тогда что же это: зверь или птица? Сейчас узнаете. Рассказывает Ю. С. Цейтгамель.

Мышовна

Во время одной из экскурсий школьники поймали молодую мышовку. Этот зверек размером чуть меньше домовый

мышь с очень длинным хвостом, манерами несколько напоминает тушканчика. Окраска мышовки довольно своеобразная. На палево-серой шерстке хорошо заметна черная полоса, проходящая по всей спине, и две менее яркие, идущие по бокам.

Мышовку некуда было посадить, поэтому целый час ее пришлось держать в руке. Когда ладонь разжали, мышовка не бросилась бежать, а, встав столбиком, стала старательно умываться. Ей предложили угощение — бабочку.

Лягушки-скалолазы

В сентябре прошлого года посчастливилось мне увидеть недалеко от деревни Саатсе Эстонской ССР необычную картину. Несколько десятков лягушек разного возраста пытались выбраться из зацементированного подвала в развалинах старого дома. Все относились к беде по-разному. Одни пытались в отчаянии прыгнуть как можно выше на полутора-метровую стенку (конечно, впустую), другие залезали в щели стены, где было хоть немного влажней, третьи прыгали как бы без всякой цели по дну туда-сюда. Некоторым удалось, используя бугорки, подняться по стенке. А самая усердная взобралась вверх по полутора-метровому стеблю на целую пядь. Но даже и те, что сидели на бугорках, не имели возможности подняться выше. Маленькие лягушата забирались на спину, а то и на затылок старшим, и те не протестовали, ждали терпеливо, может, хоть малыши выберутся.

Когда я появился у края дыры, на миг мне даже показалось, что лягушки жалобно пискнули. Интересно, сумеют ли они сами выбраться? Я решил понаблюдать. И вот один годовалый розовато-коричневый лягушонок оказался находчивым в этой потерявшей надежду компании. Он обнаружил в углу подвала незаметную, местами глубиной только в один-два миллиметра бороздку. Правыми лапами лягушонок упирался в угол стены, а левыми — в край борозды. И так лез вверх по вертикальной цементной стене, словно скалолаз. Время от времени лягушонок отдыхал минут по пять и опять двигался вперед. Изредка его передние лапы срывались на мгновение, и он стоял только на задних лапках. С огромным напряжением ему все-таки удавалось вернуть равновесие. Так дошел лягушонок-герой уже до самого верхнего края стены, когда вдруг появилась преграда страшнее прежней — зеленый мох шапкой оказался перед лягушонком. Я уже волновался, что моему герою не удастся выбраться. Но он все-таки нашел опору для пальца лапки — миллиметровый цементный бугорок, ухватился правой передней лапой за моховую шапку и поднялся.

Другие лягушки, вероятно, заметили такое скалолазание. Еще две оказались в этом углу подвала и стали сразу друг за другом лезть вверх по проторенной дорожке. Одна из них была серовато-коричневая и толстенькая. Вначале все шло гладко. Но примерно на высоте 70 сантиметров толстенькая соскользнула

вниз и чуть не столкнула свою спутницу. К счастью, та крепко держалась. Вскоре они выбрались на свободу.

Поскольку среди других лягушек предприимчивых больше не было, я посчитал, что показательные выступления закончены, и сам вынул всех остальных из подвала. С какой радостью они запрыгали! Затем я положил в яму наклонную доску, по которой при несчастном случае даже самым хилым лягушкам легко выбраться.

Я призываю всех ребят не оставлять в беде лягушек. Это так же важно, как спасти рыб из высыхающих луж. Этих животных и так остается все меньше.

Минуту внимания, Почемучки, прежде чем вы услышите следующее сообщение!

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ КОНКУРС НА РАССКАЗ О НЕОБЫКНОВЕННОМ ПОВЕДЕНИИ ЖИВОТНЫХ.

СВОЙ РАССКАЗ ПРИШЫЛАЙТЕ С ПОМЕТКОЙ: «ГДЕ ЭТО ВИДАНО, ГДЕ ЭТО СЛЫХАНО».

Для того чтобы по достоинству оценить ваши рассказы, в состав жюри конкурса будет приглашен давнишний друг Почемучек — барон Мюнхгаузен.

А теперь следующее сообщение на нашем заседании сделает доктор биологических наук Юрий Петрович Лаптев.

Папоротник

Древние славяне поклонялись богу солнца Яриле. Ярило облагодетельствовал людей, даровал им огонь. Поэтому чуть ли не до наших дней сохранялся обычай раз в год в ночь на Ивана Купала в честь бога солнца жечь купальские огни.

То ли не надеясь на разум человека, то ли вообще будучи убежденным, что люди по легкомыслию способны легко потерять дарованное, но только, судя по преданиям, в ночь с 23 на 24 июня Ярило вновь посылает на землю огонь, который разгорается в цветке папоротника. Человек, нашедший и сорвавший в Иванову ночь «цвет-огонь папорота» («царь огонь», «огнецвет»), сам становится невидимым и приобретает способность видеть скрытые в земле клады, понимать язык всякого дерева и всякой травы, речь зверей и домашних животных.

В старину ночь на Ивана Купала считалась лучшим временем сбора трав. Запасливые хозяйки уже за день до Иванова дня, судили и рядили, в каком месте и какие целебные травы собирать: где череду от золотухи, где шалфей от

горловой скорби, где зверобой, ромашку и девясил.

Но более всего ведуну, знахари и смельчаки жаждали стать обладателями «цветом папорота».

В наше время даже первоклашки знают, что папоротник вовсе не цветет и что лекарственные растения, хоть и лучше собирать в определенную пору, но никак не ночью на Иванов день.

Из папоротников, растущих у нас, лекарственным научная медицина признала лишь один вид — щитовник, мужской папоротник.

Это травянистое растение 30—60 сантиметров высотой, с мощным, толстым, косо растущим бурым корневищем. Листья перисто-сложные, крупные, длиной в метр и более, густо покрытые буроватыми чешуйками. Молодые листья завернуты подобно раковине улитки. На нижней стороне листьев к концу лета развиваются спорангии, собранные в округлые сорусы, расположенные в два ряда по бокам средней жилки. Растение размножается спорами.

Мужской папоротник встречается повсеместно под пологом леса в сырых и тенистых местах. Природные запасы его быстро сокращаются. О лекарственных свойствах папоротника знали еще в глубокой древности. В наше время из корневищ папоротника готовят лекарственные препараты. Лечатся ими только по назначению врача, так как они ядовиты. В народной медицине настой корневищ употребляют для ванн при различных заболеваниях.

В тенистых местах садов и парков папоротник выращивают как декоративное растение.

Папоротник можно размножить корневищами, которые выкапывают с комом земли, либо зрелыми спорами. Высевают их на влажный торф в теплице. Как только появятся ростки (через 25—30 дней), их вынимают с куском торфа и высаживают в тени на постоянное место.

А для чего тушканчику кисточка на хвосте, расскажет Норайр Арапатович Паравян.

Для чего тушканчику кисточка на хвосте?

Назначение самого хвостика тушканчика понятно — он служит очень эффективным рулем зверьку, когда тот удирает «во все лапчатки» от преследователя. При этом он делает такие резкие

Где это видано, где это слыхано, что бы лягушки не прыгали, а лезли по стене, как скалолазы?

Да, на заседании Клуба Почемучек чего только не услышишь. И как всегда убедившись, что самое удивительное и невероятное — истинная правда.

Итак, о лягушках-скалолазах рассказывает Калью Рэоли.

зигзаги, что у любого хищника заболит голова от такой погони. Но вот кисточка...

Скажем, белке, муравье, лисиче хвост служит или зонтиком во время непогоды, или одеялом во время сна, или тем и другим. А что может сделать маленькая куцая кисточка? Не просто же для красоты она?

Оказывается, кисточка является очень чувствительным микрофоном. Да, да именно так: исследования, проведенные в лаборатории профессора П. И. Гуляева, показали, что хвосты многих животных, в том числе и кисточка тушканчика, способны излучать электромагнитные волны с частотой падающего на них звука. Для чего же это нужно? Для самозащиты!

Предположим, тушканчиком решила пообедать сова. Однако он, вовремя почуввав опасность, пустился наутек, сова — за ним. Преследуя тушканчика, сова издает своими крыльями звуки очень высокой частоты, неслышимые ухом, но улавливаемые кисточкой, откуда они затем передаются на вибриссы («усы») зверька. Ориентируясь по полученным сигналам, тушканчик, не оборачиваясь и тем самым экономя драгоценное время, меняет направление. Такая погоня продолжается до тех пор, пока не подберется первая попавшаяся норка, в которой зверек мог бы спрятаться, или же он не попадет в лапы хищника, если тушканчик недостаточно ловок.

Почемучка задал вопрос. Ну и что в этом удивительного? На то ведь и члены Клуба Почемучек, чтобы задавать «сто тысяч почему».

Леонида Махнача из деревни Переводичи Гродненской области интересует, какое дерево самое ценное. Мы попросили ответить ему Валерия Григорьевича Баркова.

Кому что нравится

На вопрос Леонида однозначно я ответить не сумел. Встал другой вопрос: для кого? Если спросить у зайца-беляка, наверное, тот ответил бы, что самое ценное дерево — осина. Корой осины заяц всю зиму питается, а в молодых осинниках обычно летом прячется. Глухарь, очевидно, выбрал бы сосну. Хвоя сосны служит для него главной зимней едой. И свою знаменитую весеннюю песенку лесной великан чаще всего исполняет на сосне.

Сибирская белка, соболь, птица кедровка, конечно, предпочли бы всем деревьям сибирский кедр (точнее, кедровую сосну), с его лакомыми орехами, а клест и европейская белка, наверное, ель. В поисках еловых семян они даже в дальние путешествия пускаются.

Если обратиться к тетереву, тот на первое место поставит березу. Поздней осенью и зимой как приятно посидеть на березе, поклевать ее семян, подкормиться почками и побегами. Дрозды хором назовут рябину. Когда уродится много ягод, они даже на юг не улетают. А вот пчелы, ясное дело, проголосуют за липу.

Выходит, что в лесу все деревья самые главные и самые нужные. Если поставить рядом дуб с его красотой, долголетием, ценнейшей древесиной и серую ольху, которую никто никогда не сажал, и спросить у чечеток и чижей, какое из этих деревьев лучше, чечетки и чижи выберут ольху, потому что она всю зиму сохраняет в своих шишечках семена, а без них птицы, наверное, голодали бы. А до ценных свойств и красоты дуба им и дела нет.

Недавно я спросил одного ученого лесовода: какое дерево, по-вашему, самое ценное? А он ответил так же, как заяц-беляк: по-моему, осина! Я подумал: шутит. Осину все называют сорным деревом. К тому же она часто поражается гнилью.

А он, оказывается, и не шутил. Осина, говорит, потому самое ценное дерево, что в тридцать лет может дать столько ценнейшей древесины, сколько сосна и ель лишь к ста годам. А что поражается гнилью, это теперь не страшно. Мы научились выращивать здоровую осину.

Вот и подумаешь — кто же прав?

А ваше мнение, Почемучки?

Какие деревья вы считаете ценнейшими? Докажите, что именно оно, а не какое-то другое самое драгоценное. И за какие такие свойства.

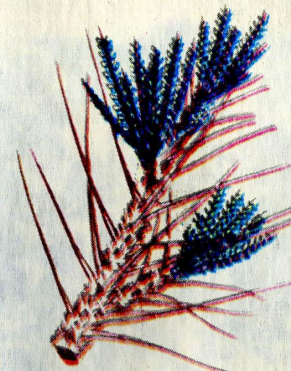
Может, это выносливость? Кстати, о необыкновенной выносливости растения — наш следующий рассказ кандидата биологических наук Анатолия Александровича Мещерякова.

Старожилы каменной пустыни

Безжизненно выглядит Копет-Даг летом. Но впечатление это обманчиво. Среди хаотического нагромождения каменных глыб и выжженной солнцем растительности встречаются колючие, полные жизни растения. Каменная пустыня для них — родной дом. Здесь они выросли, здесь они живут: растут, цветут и обильно образуют семена. Эти растения-карлики из семейства бобовых — трагакантовые астрагалы, или трагаканты. В нашей стране их немногим более сорока, и почти половина из них растет в Туркмении. Невелики трагаканты ростом. За год они прибавляют один-три сантиметра. Растения высотой в метр — глубокие старцы, их возраст 100 и более лет. Растут трагаканты в суровых условиях. В горах большую часть года не выпадает ни единой капли дождя и нещадно палит солнце. Но трагакантам это не страшно. Все растение у трагакантов: стебли, корни — густо пронизаны канальцами, заполненными камедью — гуммитрагантом. Не простая это камедь, а чудо из чудес. Она способна впитывать влагу, равную своему весу, не только из почвы, но и из влажного воздуха. Летом, когда почва сухая и все растения желтеют от засухи, трагаканты чувствуют себя хорошо. Ночью из воздуха, принесенного с Каспийского моря, они впитывают влагу. Невелики ее запасы, но влаги оказывается достаточно, если экономно расходовать для жизни и созревания семян. Изобретательна природа, ничего не скажешь!

Чудо-камедь имеет большую хозяйственную ценность. Она незаменима как сырье для ряда отраслей легкой промышленности. В текстильной промышленности камедь применяют при ситцепечатании, окраске и отделке шелковых тканей и кружев. Широко применяется она в кондитерском, спичечном и карандашном производствах, в кожевенной, парфюмерной, бумажной и фармацевтической промышленности, а также при изготовлении красок, клея, чернил.

Одним словом, эти жители каменной пустыни поистине чудо-растения.

Напоминаем: считать себя членом Клуба Почемучек может только тот, кто выполняет задания Клуба и участвует в конкурсах, которые объявляются на наших заседаниях.

Тому, кто по каким-то причинам не успел за всеми заданиями, подсказываем: откройте нужную страницу журналов № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 (еще раз побывайте на заседании Клуба) и выберите себе задание, какое понравится.

Сообщите, как его выполняете. На каждом заседании Клуба мы непременно слушаем ваши отчеты.

Вот и сегодня о находчивости животных и растений рассказывает Василий Дудла.

Горечавка и сообразительное насекомое

Находчивость присуща растениям и насекомым. Я в этом убедился сам, когда однажды утром возвратился домой с крепкими, пахнущими лесом боровиками и букетом горечавок. Синие бокаловидные цветки еще не распустились. Но через несколько минут от комнатного тепла «бокалчики» открылись, и из одного вылетело насекомое, которое я не успел рассмотреть, я догадался, что так растение сберегало нежные тычинки и пестик от ночного холода. А сообразительное насекомое воспользовалось находчивостью растения и провело прохладную ночь в теплом закрытом цветке.

На этом заседание Клуба Почемучек заканчивается. До встречи в следующем месяце.

Как же он призывен и пахуч, ароматный дух свежесваренных грибов, что встанет вдруг над поселком или лесной опушкой, когда растопят свои котлы грибобары! Тут уж не упустит момент, встань пораньше и, прихватив лукошко повместимее, отправляйся к заветным грибным местам. А грибобары торопят — поспешайте, поспешайте, юные грибники!

Много лет уже уходят в свои походы школьники страны — участники Всесоюзного конкурса по сбору плодов, ягод, грибов и других дикорастущих хозяйственно-ценных растений. Конечно, самая напряженная пора — страдные дни грибных вылазок. Но круглый год отправляются в походы участники конкурса: ведь кладовые Берендея и лесная аптека всегда го-

ГОРНЫЕ ТРОПЫ ЛУЧИСТОВЦЕВ

У ребят из Лучистовской школы в Крымских горах свои тропинки. По ним не первый год отправляются они за грибами, ягодами и плодами шиповника. Трудны эти тропы. Порой приходится продираться сквозь колючие кусты к тем заветным местам, где ягод особенно много. Иногда приходится высылать вперед разведку, чтобы она доложила, где созрел обильный урожай шиповника. Разведка уходит с утра, и в тот же день выступает в горы целая экспедиция.

Горы совсем рядом. У каждой свое название, своя легенда. На кого только не похожи они! Одна — на волшебный замок, другая — на старинную крепость, а третья, если напрячь фантазию, — вылившаяся наохлившаяся птица. Особенно вечером, когда оживают легенды и становится немножко не по себе. Лучистовцы любят горы, что смотрят на их школу. Красивы они весной. Цветет боярышник. Его белоснежный разлив похож на облака, зацепившиеся за колючие ветки. Тогда-то отправляются ребята за цветками. Собирают их, а попутно листья мать-и-мачехи. Мать-и-мачеху рвать просто: отбирай здоровые листья, теплые и мягкие с одной стороны, холодные и жесткие — с другой. А сколько их растет на горных склонах! С боярышником труднее: ветки у него колючие, и, чтобы собрать только один килограмм невесомых цветков, долго приходится лазить по горам. Лучистовские школьники заготавливают их свыше 80 килограммов. Представляете, какая получится гора, если сразу высыпать цветки из всех мешочков!

степриимно открыты. Не ленись только, успевай заготавливать щедрые дары леса!

Секретариат ЦК ВЛКСМ и Правление Центросоюза подвели итоги конкурса. Внушительные вышли цифры! В прошлом году ребята из пионерских лагерей, школ, техникумов, отдельные учащиеся собрали свыше 40 тысяч тонн дикорастущей продукции на сумму 20 миллионов рублей. Хорошо помогли школьники потребительской кооперации!

Пионерия нашей страны в 1976—1978 годах проводит трудовую акцию «Солидарность». Ее цель — помощь нашим вьетнамским друзьям в строительстве Ханойского Дворца пионеров. Участники Всесоюзного конкурса также активно включились в это благородное дело, каждый школьный кол-

лектив стремится оказать братскую помощь вьетнамским ребятам.

В Госбанке СССР открыт специальный счет № 700409. На него уже перечисляются средства, заработанные пионерами в лагерях труда и отдыха, в ученических производственных бригадах, школьных лесничествах, при сборе грибов, ягод и лекарственных трав.

Правофланговыми конкурса стали пионеры и школьники Краснодарского края, Московской, Житомирской, Владимирской областей и Литовской ССР.

В числе победителей конкурса вот уже какой год подряд и юннаты Лучистовской восьмилетней школы Алешинского района Крымской области. О них наш сегодняшний рассказ.

Но самое главное — шиповник. Собранный урожай его измеряется тоннами. В урожайном году заготавливают ребята свыше 26 тонн ценных плодов.

Сбор их начинается в сентябре. И тогда красивы горы. Многие удивляются, как это лучистовцы успевают не только собирать ягоды, но и любоваться красотой гор. «Да как ее не заметить?» — спросят, в свою очередь, ребята.

Осенью горы в желто-багряном одеянии, словно кто-то высыпал на них золото, но не удержалось оно на острых вершинах, осыпалось вниз, к подножию, а вершины так и остались голыми и серыми. Смотришь на них, и кажется, так просто забраться на самый верх и посмотреть оттуда на школу. Но только новички считают, что горы одолеть просто.

Падают в пластмассовое ведерко ягоды, звонко ударяясь о дно, быстро закрывают его, и вот уже наполненное доверху ведерко высыпает сборщики в мешок.

И вдруг остановится кто-то, застынут в воздухе руки. Нет, это не солнышко разморозило, не одолели надоедливые мухи, не цапнул больно за руку колючий куст. Лучистовцы умеют в простом видеть прекрасное, именно любовь к природе помогает им сохранять заросли шиповника, не ломать, не рвать все до последней «ягодки», нужно оставить и птицам, это их корм.

Удивленно посмотрит сборщик на куст, словно увидит его впервые. Что это? То ли кто специально разукрасил его крохотными игрушками, то ли солнечные лучи зацепились за колючки, не смогли пробиться к земле и превратились в красные ягоды? Но пора за работу, чтобы не отстать от товарищей. В школе много хороших сборщиков, всех не перечислишь.

Как-то мало выпало в Крыму дождей, и шиповник уродился плохо. Несколько раз высылали разведку, которая наконец до-

несла: нужно идти за дальний карьер. И хотя не был тот урожай рекордным, все равно лучистовские школьники оказались в числе победителей. Только namного длиннее стали для них горные тропы.

Каждый год по-ударному трудятся сборщики. Пробираются знакомыми тропинками среди колючих кустов. Ударяются о дно ягоды шиповника, сверкают на солнце, словно рубины, красные блестящие плоды. Вспоминаются легенды. Смотрят ребята на школу, на горы. И на всю жизнь запоминают их особенную красоту.

Каждый год подводятся итоги Всесоюзного конкурса. И в числе победителей обязательно лучистовцы. И в прошлом году они были первыми.

Сейчас зреет в горах новый урожай. Пройдет немного времени, и опять выйдут в горы школьники. А потом в разные концы нашей страны разьедутся витаминные ягоды, выросшие на колючих кустах. Многие-много люди, заваривая плоды шиповника, принимая таблетки, вспомнят добрым словом ребят и скажут: «Удачи вам в новых походах!»

Когда номер был сверстан, редакция получила письмо:

«Дорогой «Юный натуралист»!

Сообщаю тебе последние сведения.

Лучистовская восьмилетняя школа небольшая, в ней учится 186 ребят. В 1975 году мы сдали государству 17 тонн шиповника и лекарственных трав (боярышника, мать-и-мачехи).

Все ребята школы принимали активное участие во Всесоюзном конкурсе по сбору плодов, ягод, грибов и других дикорастущих хозяйственно-ценных растений.

Лучшим сборщиком является отряд имени А. П. Гайдара (7-й класс).

Директор школы Л. П. Решетникова».

Поздравляем вас, дорогие друзья!

Т. Голованова

Сильфия

Сильфия пронзеннолистная родом из американских прерий. Привезенная в прошлом веке в Европу, она сначала широко распространения не получила. Лишь в последнее десятилетие сильфия стала известна в сельском хозяйстве как ценная кормовая культура и отличный медонос. К тому же сильфия еще и очень декоративна. В первый год жизни растение образует розетку сочных шершавых больших листьев, а на следующий год — высокий, до трех с половиной метров, стебель с многочисленными мясистыми листьями и желтыми цветочными корзинками 5—8 сантиметров в диаметре. В соцветиях их бывает до 20 штук.

Сильфия цветет с середины июля до сентября. Первыми распускаются

нижние корзинки. Если же ранней весной скосить длинные стебли, цветение наступит позже и продолжится до выпадения снега.

У себя на родине сильфия образует целые заросли и много лет растет на одном месте. В нашей стране она прижилась хорошо, легко переносит морозы и на одном месте растет 15 лет. Сильфия предпочитает суглинистые и глинистые почвы. На песчаных почвах и торфяниках растет гораздо хуже.

На участке, предназначенном для посева сильфии, необходимо уничтожить все сорняки, а затем внести органические удобрения и вспахать почву на глубину 30 сантиметров. А непосредственно перед посевом хорошо провести культивацию и боронование.

Сеять семена сильфии лучше всего осенью, за

Во саду ли...

15—20 дней до заморозков, но можно это делать и весной. Однажды я обнаружил забытый пакет прошлогодних семян сильфии и высевал их 7 августа. К октябрю развились молодые прикорневые листья. Растения хорошо растут и теперь.

Посев можно производить квадратно-гнездовым способом с расстоянием в 60 сантиметров.

На пришкольных участках сильфию сеют обычно на грядках. Между рядами оставляют 60 сантиметров. Семена заделывают на глубину 1,5—2 сантиметра. Бороздки проводят кромкой дюймовой или полдюймовой доски, тогда семена оказываются на одинаковой глубине.

В течение первого года вегетации необходимо 2—3 раза прорыхлить междурядья и прополоть участок. В последующие годы рыхление и подкормки производят ранней весной и после скашивания.

Семена собирают осенью с молодых растений, дающих особенно мощные корзинки. Соцветия со зрелыми семенами срезают и подсушивают под навесом (в снопиках), а затем обмолачивают.

Семена сразу же высевают. Можно размножать сильфию и вегетативно — стеблевыми черенками и делением корневищ.

Долго, красиво и обильно цветущий многолетник — сильфия — самое подходящее растение для озеленения школьных и приусадебных участков, хорошее кормовое и медоносное растение. Тем более что сильфия болеет редко и почти не поражается вредителями.

И. Гром

Обыкновенная морковь

Когда я работал на одном из селекционных участков, где проводились скрещивания для изучения наследования каротина у моркови, ко мне часто подходили прохожие и спрашивали: что это за цветы? Действительно, непосвященному человеку трудно поверить, что белоснежный ковер цветов с чудесным медовым ароматом принадлежит обыкновенной моркови. Когда морковь цветет, она очень декоративна. Кусты высотой до полутора метров, на каждом из которых до тридцати белых или слегка зеленоватых зонтиков, выглядят очень нарядно. А цветут они почти все лето.

Еще за двести лет до нашей эры это растение было известно грекам и римлянам. В моркови содержится почти все известные витамины. Но больше всего в ней каротин. В организме человека и животных под действием фермента каротины из каротина образуются витамин А. Если в организме недостает этого витамина, снижается устойчивость к инфекционным заболеваниям, нарушается обмен веществ, человек может хуже видеть. А у детей недостаток витамина А задерживает рост, отчего этот витамин называют «витамином роста». Взрослому человеку достаточно в день съедать 80—100 граммов свежей моркови.

Морковь — растение двухлетнее. В первый год оно образует корнеплод. Его, чтобы получить семенной материал, следующей весной высаживают в грунт. Морковь зацветает и дает семена. Напоминаем: у корнеплодов, которые вы отобрали для этого, нужно оставить черешки листьев

длинной около 1,5—2 сантиметров.

С одного растения моркови можно получить до 30 граммов семян, а в одном грамме их содержится около 1000 штук. А теперь попробуйте подсчитать, какой урожай моркови удастся собрать через несколько поколений?

Интересные опыты могут провести юннаты с морковью. Например, в год посева можно изучить динамику роста и развития различных сортов. Измерьте листья и корнеплоды на учетных делянках, выделяйте скороспелые и урожайные сорта, а в конце вегетации, взвесив корнеплоды, определите урожайность в пересчете на гектар.

Немало полезных наблюдений можно провести на растениях второго года: изучить продолжительность цветения различных зонтиков, вес и величину семян,

полученных с зонтиков различных порядков. Большие возможности для эксперимента открывает скрещивание разных сортов моркови. С помощью скрещивания вы можете получить для своего района новые оригинальные сорта этой ценной культуры.

Какие же сорта моркови можно использовать для работы? Вот наиболее распространенные: Нантская-4, Московская зимняя А-515, Лосиноостровская-13, Витаминная-6. Пожалуй, по наиболее высокому вкусовым качествам можно выделить Нантскую-4. В настоящее время селекционеры стремятся получить морковь с повышенным содержанием каротина в корнеплодах. Если раньше

... в огороде

в столовых сортах моркови было каротина 6—8 миллиграммов в 100 граммах сырого вещества, то новый сорт Витаминная содержит каротина 12—14 миллиграммов. Работа эта продолжается. Кроме того, ученые наметили получить сорта моркови, устойчивые к болезням и вредителям.

Многие интересуются: где хранить корнеплоды зимой? Современный способ хранения — в холодильных камерах, где поддерживается температура плюс один градус с отно-

сительной влажностью воздуха 96 процентов. Можно сохранить морковь в погребе или подвале при температуре плюс один-два градуса, предварительно уложив ее в деревянные ящики и переложив каждый ряд речным, слегка увлажненным песком. Весной эти корнеплоды перебрать, отбросить больные и поврежденные, а лучшие посадить в почву.

Между рядами оставляют 70 сантиметров, а в ряду между растениями — 30 сантиметров. Через ме-

сяц-полтора вырастут раскидистые кусты с шапками зеленых зонтиков, а еще через некоторое время появятся сплошные заросли цветов с белыми лепестками венчиков, которые своим ароматом привлекут пчел, шмелей и других насекомых-опылителей.

Осенью, собрав семена и сосчитав их, вы увидите, что этих семян хватит не только для своего школьного участка, но и для юннатов соседних школ.

А. Мохов, старший научный сотрудник

Пламень-ягода

Тот, кто бродил теплыми осенними днями вдоль ручьев и речек, по оврагам, влажным лесным опушкам, непременно останавливался пораженный. Зарделась, зарумянилась калина! Глаз не оторвешь! Среди лилово-малиновых листьев, словно камнисамоцветы, горят ярко-красные кисти плодов. Горят, манят. Не удержишься, сорвешь один, попробуешь. Сочная желтоватая мякоть — горькая. Еще рано: тепло. А как ударит морозец — и горьковатость смягчается. В это время обычно и собирают калину. Плоды долго пламенеют на кустах. Уже и багровая листва опала, а они висят — как ни в чем не бывало, будто только созрели (см. первую стр. обложки).

Красавица калина нарядна и весной, когда кустарник осыпан белоснежными кружевом цветиков, собранных в зонтиковидные метелки. Интересно, что краевые цветки плоские, семена не дают. Центральные — короткоколокольчатые.

В начале лета вокруг зарослей калины

жужжат, вьются пчелы. Калина — хороший медонос. За полмесяца с одного гектара зарослей крылатые труженики могут собрать до 30 килограммов меда.

Издавна полюбилась калина русскому народу. О ней слагают песни, сказки, пословицы. Но не только красотой и вкусными плодами прославилась калина. За целебные свойства попала она в травники и книги по лекарственным растениям.

Особенно целебна кора калины. Экстракт, приготовленный из ее коры, быстро останавливает кровотечение. Заготавливают кору ранней весной, когда она легко отделяется от дерева, и сушат в хорошо проветриваемых помещениях.

Калину обыкновенную — высокий, ветвящийся кустарник с серой корой, испещренной продольными трещинками, — можно встретить почти повсеместно в Европе, на Кавказе, в Западной Сибири и Средней Азии.

Растет калина быстро, на любой почве, хорошо переносит тень, не страдает от дыма, не повреждается промышленными газами. Легко разводится: отпрысками, отводками, семенами.

И очень жаль, что калина еще редка в наших садах, парках, на улицах.

И. Вронская

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

В разделе журнала «Во саду ли, в огороде...» редакция старается рассказывать своим читателям об интересных, еще малораспространенных сортах овощей, ягод, цветов, декоративных кустарников. Редакция получает огромное количество писем от юных

и взрослых читателей журнала с просьбой помочь приобрести семена или саженцы этих сортов или сообщить адреса авторов.

Напоминаем, что ни редакция, ни авторы публикуемых заметок семенами или саженцами не располагают.

В каждой области, крае, республике есть организа-

ции, которые занимаются охраной природы. Они ведут большую работу по массовому размножению интересных видов растений. Там и постарайтесь узнать имена тех, кто уже выращивает такие редкие сорта. Возможно, садоводы-любители смогут поделиться с вами семенами или черенками.

Ребята!

Август — щедр на грибы, лекарственные растения и дикорастущие плоды. Вас ждут в этом месяце съедобные грибы, плоды малины, шиповника, черники, можжевельника, черемухи, бузины черной, черной смородины.

Собирающим лекарственные растения в августе следует уделить внимание цветам ромашки аптечной и пахучей, бессмертника (цмина песчаного), фиалки трехцветной, душицы обыкновенной, зверобоя продырявленного, горца перечного (водяного перца), хвоща полевого. Не забывайте и о сборе листьев толокнянки обыкновенной и крапивы двудомной, спор липоподия (плауна булавовидного), рожки спорыньи, кукурузных рылец. В августе начинают собирать корневища с корнями валерьяны лекарственной (в южных районах) и корни одуванчика аптечного.

Рекомендуем всем вам поддерживать тесную связь с заготовительными организациями потребительской кооперации ваших районов — там вам всегда дадут квалифицированную консультацию по всем вопросам сбора, сушки и транспортировки тех видов растений, которые можно собирать в вашей местности.

Успеха вам, друзья!

ЦЕНТРОКОМПЛЕКСЫРЬЕ ЦЕНТРОСОЮЗА

Рис. Р. Мусихиной

ОСТОРОЖНО, ЛОСЬ!

Лесник Анисовец легко идет напрямик на заветную делянку, придерживая пиджмышкой завернутый в газеты сверток.

Под ногами пружинит мох, в кустарнике с шумом срываются дрозды-рябинники, прилетевшие сюда по спелую красную ягоду.

И тишина в лесу, даже не тишина, а какое-то особенное долгое затишье, которое бывает лишь перед наступлением осени. Еще далеко до тех дней, когда начнет сеяться мелкий дождь, еще стоит теплая, солнечная погода, но уже чувствуется: лес будто притих в ожидании непреложных перемен. На березах появились желтоватые косы, а с дуба время от времени срывается и с шорохом опадает резной лист. Запасаясь на зиму желудями, тревожно кричат сойки, перелетающие с одного дерева на другое.

Лесник вышел наконец на мшистые места, где ногам так мягко, словно стоишь на подушке. В ельнике потенькивали синицы. Неподалеку, правее, был непроходимый бурелом: наверное, в грозу вывернул ветер деревья с корнями. Несколько дней подряд там звенели бензопилы, ревели самосвалы: поваленный лес вывозили на дрова. И шоферы, чтобы не кружить по мшистым местам, выводили свои машины на большак прямо через поляну. Вот тогда-то Анисовец и перегородил этот их проезд жердями, пригвоздив дощечку с надписью: «Объезд. Больной лось».

Сначала некоторые шоферы лишь пожали плечами, недоумевали, какие там могут быть заботы о больном лосе, и ехали через поляну, напрямик. Но тогда он, Иван Анисовец, несколько дней продежурил у своего знака и все заворачивал, заворачивал машины.

Лось прибил сюда откуда-то издалика — наверное, из Амельковских лесов. Анисовец сразу, едва увидел лоса, понял, что этот лось болен: стоял он с понурой головой, не трогался с места, лишь испуганно постригивал ушами. На опавших боках клочьями свисала шерсть.

Потом лось облюбовал для себя эти мшистые места среди густого осинника, лежал и тоскливыми глазами смотрел в землю. Когда Анисовец подходил к нему, лось неохотно поднимался, так же неохотно отходил прочь и настороженно смотрел на человека. На поляне, совсем неподалеку, утробно ревели машины, и по коже борзатого лоса пробегала дрожь.

— Так ты, брат, скоро копыта отбросишь, — сказал Анисовец.

Перво-наперво он перегородил машинам дорогу. Потом сходил домой и принес для лоса ломоть хлеба, круто посоленный. Лось не дотронулся до хлеба. Несколько дней пролежал тот ломоть нетронутым. Но однажды Анисовец не обнаружил хлеба. «Может, какой-нибудь лесной зверь стянул?» — подумал Анисовец и прошелся вокруг осинника. Ничего подозрительного, никаких следов он не увидел. Нашел лишь обьединные мухоморы под старым раскидистым орешником. «Ага, значит, дела пошли на поправку», — решил Анисовец.

Хлеб, посыпанный солью, Анисовец носил для лоса день, другой, пятый...

А теперь он нес для своего молчаливого пациента целую буханку.

Вот и осинник, где дрожат, дрожат под малейшим ветерком листья, вот и временное пристанище больного лоса. Да только где же он, этот лось?

Анисовец ступил в глубь осинника, оглянувшись, увидел, как молодые деревья обрызганы и что следы зверя ведут из осинника мимо ельника туда, на поляну, на ту тихую, надежно загороженную от машин поляну.

Анисовец положил хлеб на пенек, рассыпал второпях соль и подался на поляну разгораживать проезд, убирать жерди, потому что уже не нужна была эта изгородь.

ЖУРАВЛИНЫЕ ТРАВЫ

В конце августа на прогаринах зацветает вереск. Мелкие сиреневые цветы вереска, хотя и не пахнут, но все равно приманивают пчел, пчелы летят на вереск, как только солнце высушит обильную августовскую росу, и берут взятку, берут этот поздний мед, который будет немного отдавать горчинкой.

Мы идем с Апанасом Козленковым. Апанас держит в руке потемневшую от времени корзину, ступает бодро.

— Старую я, человеке, — жалуется Апанас. — Уже и видеть стал хуже. Какой из меня грибник?..

Апанас действительно заметно сдал за последнее время: выпали зубы, густо поседел виски. И все-таки зрение еще не та-

*Записки
натуральщика*

кое слабое у него, если он нашел уже более десятка отборных белых грибов; а в моей корзине — пусто.

Мы кружим по березнякам, по ногам хлещет вереск, на лицо садится паутина. И вот уже в моей корзине четыре боровика, да еще подосиновики, лисички, подберезовики.

Апанас берет только белые грибы, они ему нужны для сушки, надо ему насушить два килограмма, сдать на приемный пункт и купить для внушки кофточку.

Старик говорит, говорит и о том, что стали теперь лучше жить, и о том, что внукам подавай только самое дорогое, самое модное, и о том, что в деревне чуть ли не над каждой крышей антенна телевизора, а в хатах — всякие серванты, диваны, мягкие кресла.

Солнце поднимается выше, росы уже нет. Под ногами потрескивает валежник, когда мы пробираемся в чащу. На полях, тянувшихся вдоль березняка, желтеет стерня, еще не потемневшая от дождей, с рубчатymi следами от комбайнов.

Далеко позади осталась наша деревня. И можно было бы отдохнуть хоть немного. И тут как раз Апанас сдергивает выцветшую кепку, подносит негнущуюся ладонь к уху. Вдали, в той стороне, где деревня Островок, слышится протяжный птичий канц.

— Журавли, — говорит Апанас. — Почти каждую осень прилетают на гречанище. Отъедаются перед дорогой.

На лице старика разглаживаются морщины, в черных глазах появляется почти детский восторг.

Мы переглядываемся и, не сговариваясь, направляемся в сторону Островка. Над притихшими полями курлычут и курлычат журавли.

Потом мы возвращаемся домой. И тут я замечаю, что Апанас так и не собрал полной корзины грибов.

— Как же, дядька Апанас? Не хватит на кофточку, — шутливо говорю я ему.

— Журавли помешали, — смеется он и так ласково повторяет: — Журавли, браток, журавли...

М. Даниленко
Перевод с белорусского
Э. Корпачева

УДАЧЛИВЫЕ РЫБОЛОВЫ

Рыболовы не любят домашних уток, крикливых, любопытных и глупых. Они нахально лезут к твоим поплавам и пугают рыбу. Если на озере или на пруду много уток, лучше не рыбачить.

Я знал, что в маленьком озере за селом постоянно плещутся утки, и не поехал бы туда, но в то утро на большом озере клева не было, а мне не хотелось возвращаться домой с пустыми руками.

Приехав на озеро, я положил на берегу велосипед, отвязал удочки и стал их наживлять.

К концу лета озеро обмелело настолько, что воды в нем было по колено, не больше. Если подвернуть штаны, перейдешь его вброд.

У другого берега плескалось стадо уток, штук пятнадцать. Еще два таких же стада плавали в дальнем конце озера. Они тоже шумно и весело плескались: встанут на хвост и машут крыльями, брызжут, кричат — должно быть, к дождю.

Я раскинул всером удочки, бросил пшено для привады и стал ждать.

Птицы на другом берегу забеспокоились. Они видели, как я горстями швырял пшено в воду. Старый низкий селезень и с ним две утки отделились от стада и поплыли к моим удочкам. Я уж подобрал ком земли и хотел запустить в них, но в этот момент крайний поплавок блеснул на солнце.

Селезень и две его подружки удивленно остановились и стали наблюдать за мной. Наверно, они не знали, что в этом озере есть рыба.

Вскоре я поймал еще несколько карасиков. Смелый селезень подплыл совсем близко к поплавам, и я бросил в него комом земли. Он поспешно отступил к своему стаду, вытянув шею и громко крикая.

Утки стали еще беспокойнее. Они престанно кричали, плавали поблизости, пугали рыбу. Я вынул самое длинное удище и, размахивая им, прогнал любопытных наблюдателей.

Птицы сбились у того берега, но не успокоились и не бросили кричать. Они будто обсуждали что-то и спорили. Особенно горячо кричал старый селезень, их вожак. На этот неумолчный шум приплыли два стада из дальнего конца озера, и стало еще беспокойнее.

А у меня пока клевало. Я поймал десятка полтора карасиков и перестал обращать внимание на уток.

Но вот клев прекратился, по воде пошли мелкие волны — это утки, слившись в одно стадо, проплыли неподалеку от моих удочек. Они уже не кричали, плавали в сосредоточенной тишине и часто опускали носы в воду.

Я насторожился: что-то в их поведении было необычное. Птицы плавали не беспорядочной толпой, а в несколько рядов, причем они вытянулись цепью и охватили по ширине почти половину озера. Минув меня, утки в том же порядке повернули к берегу, и я с удивлением увидел, что перед ними выскакивают из воды сеголетки — это самые маленькие карасики, которые родились сегодняшним летом. Утки не могли догнать карасиков, но лапами и носами они почти доставали дно, гнали рыбешку перед собой к берегу и тут, на мелководье, хватали.

Потом птицы развернулись в обратную сторону, перегородили, как сеть, весь правый край озера и, опуская головы в воду, опять поплыли к берегу — теперь, конечно же, к противоположному. И опять я видел, как у берега они хватали недогадливых сеголеток.

Надо же додуматься до такого! А по виду кажется, что утки самая глупая птица.

Клева у меня больше не было, я смотал удочки и поехал домой. Отъезжая, увидел, что утки у того берега перестроились и поплыли теперь туда, где недавно качались мои поплавы. Утки ловили рыбу. И ловили удачливей, чем я. Без всяких удочек.

А. Жуков

ГОЛОС ПЕРВОГО ВЗЛЕТА

Еще в детстве я заметил, что порой утром просыпаешься с каким-то особенным наслаждением. Вдруг так обрадуешься солнечной ласке, зелени леса, облакам на небе. Вскрываешь с постели с твердым желанием

начать жить этот день как-то вовсе по-особенному, как еще никогда не жил.

Наверное, лес нельзя просто смотреть и слушать. Его надо понимать и чувствовать душой, тогда забываешь боли и обиды, неудачи и промахи, живешь где-то вне себя. Бродишь тихо, молча заглядываешь во все уголки, прислушиваешься к лесным голосам.

Чего тут только не увидишь! С детства верю, что когда-нибудь обязательно в таежной глуши повстречаю бородача Лешего и непременно заведу с ним дружбу. На всю жизнь.

Как-то утром, выбравшись на пригорок, я сел под соснами передохнуть и совершенно случайно стал свидетелем интересного события. От реки, шумно замакивая крыльями, с чем-то тяжелым в клюве пролетела ворона. Она села на сосну, и в тот же момент там, в вершине дерева над моей головой, началась возня. Я понял, что там воронье гнездо.

Осторожно, чтобы не обнаружить себя, перебрался на другое место, откуда хорошо было видно гнездо, и притаился. В гнезде шла дележка пищи. Птенцы, их было два, разделившись с принесенной едой, не насытились и стали орать во всю глотку, но ворона-мать почему-то не собиралась лететь за новой пищей. Птица вела себя как-то странно. Вот она присела к птенцам, зорко осмотрелась вокруг, потом оттокнулась от гнезда, распустила крылья и, спланировав через поляну, опустилась на соседнюю сосну.

— Карр! — коротко прокричала она. Птенцы зорко следили за матерью, а она повторила свой полет и раз, и два, и три, и пять. Птенцы сидели тихо, плотно прижавшись к надежному уютному гнезду. Должно быть, они понимали, чего хочет от них мать, и даже втайне каждый желал этого, но не решался.

Ворона-мать была терпелива. Она снова подседала к птенцам и каким-то особо ласковым голосом тихо выдохнула: «Карр!» И снова полетела. На этот раз материнские уговоры действовали. Один из птенцов приподнялся, решительно шагнул на край гнезда, оттолкнулся, часто-часто замахал крыльями и... полетел. Он мигом перемахнул через поляну и плюхнулся на ветку рядом с матерью.

— Карр! Карр! — раздался его победный крик. Свершилось великое чудо природы! Теперь вороненку не сиделось. Он носился с ветки на ветку, мать за ним, и оба осатанело горлачили, ошалев от счастья.

Второй вороненок по-прежнему сидел в гнезде и с тревогой следил за своим собратом. Но вот мать вспомнила и о нем. Она с грозным криком подлетела к гнезду, шумно села, и мне показалось, что она сейчас же вышвырнет трусишку, но вороненок, испугавшись матери, сам кинулся вниз и беспомощно закувыркался, падая с ветки на ветку. Лишь у самой земли он крепко уцепился за сук, прижался к нему и затих.

Я покинул сосновый пригорок, а сзади еще долго доносился громкий вороний крик. По-своему, по-птичьи, вороны отмечали праздник самостоятельности. У меня в ушах и теперь звучит тот восторженный голос первого взлета.

В. Загваздин

НЕУДАЧНЫЙ ЗАПЛАВ

Конец августа. Время старается сблизить лето с осенью. Утихли теплые ветры. Ночи стали лунные.

Звезды, позабыв о рассвете, разбредлись по синему лугу и, чтобы не потерять друг друга, своим миганием предупреждали: мы здесь. Эти звезды так и не смогли опуститься на землю, потому что темная полоса зубчатого леса отрезала им путь. Только некоторые еще с вечера нашли себе дорогу к людям и расположились недалеко, в тихой заводи реки. Они спокойно паслись на поверхности воды. Наблюдая за ними, я часто поворачивался спиной к костру. Бросишь камень в воду — и запрывают маленькие светлячки.

— Ты все на звезды смотришь?

— Да, — вырвалось из груди.

— Знаешь, — пробасил мой друг Владимир Степанович, — я тебя не случайно сюда привел.

— Конечно, чтобы показать мне эти звездочки.

— Нет! Чтобы показать тебе эти места и рассказать о них.

Кривым обгорелым сучком он разворошил угли. Вверх ровным столбиком взвились искры и смешались с холодным мерцанием звезд. Затем звезды стали гаснуть и блекнуть.

Подкрадывалось утро. Прокричала сойка. Своим громким криком она разбудила спящий лес. Нанугала стройную осину. Дрожь прошла по листьям, и долго-долго они не могли успокоиться.

Друг мой улыбулся, что-то вспомнил, показал рукой в сторону реки и проговорил: «Вот там, на берегу реки, под двумя большими дубами, я однажды стоял и любовался вечерним солнцем. Приятно было смотреть на богатый красками закат. Деревья как будто наклонили свои темно-карминовые и желтые макушки, уступая дорогу последним лучам. Вдруг зашевелились кусты орешника на том берегу. Из темно-зеленых листьев выглянула какая-то грязная-грязная морда. «Кабан», — подумал я и затаил дыхание. Выйдя из орешника, зверь прошелся у самой воды, остановился и, повернув голову в мою сторону, пошевелил овальными ушками. Затем со свистом втянул воздух. Насторожился. Это была крупная свинья.

Следом за ней один за другим, играя, выскочили шесть поросят. Они выстроились вдоль реки, внимательно следя за всеми движениями матери. Та, мотнув головой, медленно погрузилась в воду. Река приняла ее с холодком, по ее телу прошла дрожь. Свинья фыркнула и, рассекая грудью темную пучину, стала приближаться к моему берегу. Я стоял, прислонившись щекой к потемневшей коре старого дуба. Мне было жарко и одновременно хотелось выйти навстречу.

Запрыгали, завизжали поросята, никто из них не хотел лезть в воду. Маленькими пяткачками они подталкивали друг друга, но каждый старался увернуться и толкнуть ближнего. Из реки, похрюкивая, мать звала малышей к себе. Двое смелых прыгнули в воду, быстро забарабанили ножками, догоняя отплывшую на середину мать. За ними еще двое бросились следом. Они с трудом преодолевали быстрое течение реки. На стрежне их стало сносить в сторону. Я с напряжением смотрел и думал: что будет дальше. Мать и двое первых поросят выскочили на берег, отряхнулись и не спеша пошли по тропе. Повизгивая, догоняли их еще двое малышей.

На противоположном берегу, опустив морды и жалобно хрюкая, стояли в нерешительности два самых несмелых кабачика. И вдруг один с разгону бросился в воду, обдав брызгами другого, тот не удержался.

жался, и вот уже оба поплыли, направляя свои пяткачки к берегу.

Река сносила их к порогам. Сбросив куртку, я прыгнул в воду. Пыл мой охладил струя горной реки. По поясу в воде я сделал движение подобно прыжку и схватил за задние ноги первого поросенка. Мне хотелось прижать его к груди и вынести на берег, но он был круглый, как бочонок, и скользкий, как угорь. Поросяенок упорно тянулся к берегу. Вот он почувствовал почву перед ногами и рванулся с такой силой, что я не смог удержать.

Владимир Степанович закончил рассказ. Поежившись от утреннего холода, встал и протянул руку к восходящему солнцу.

В. Шокарев

АИСТ

Просыпались аисты на рассвете, когда только начинало едва заметно сереть небо, и громко выбивали своими длинными клювами звонкую дробь. Потом, перелетев с шелковицы, где было гнездо, на крышу дома, они важно вышагивали на длинных красных ногах, с удовольствием потягивались после ночного сна, попеременно вытягивая назад вместе с крылом то одну, то другую ногу. Полностью проснувшись, они взъерошивали на груди длинные белые перья и прятали в них свои острые клювы, стоя на одной ноге, ждали лучей восходящего солнца.

Когда пришло время высиживать птенцов, аистиха целые дни напролет проводила в гнезде. Аист часто улетал и прилетал ее кормить, подолгу стоял рядом, ласково касаясь подруги склоненной головой. Иногда и он садился в гнездо, отпуская аистиху на прогулку, но это случалось редко.

Красивый, с черными подпалыми аист-самец, осмелев, изредка слетал во двор, робко клевал разбросанные мною на траве кусочки мяса и хлеба.

Однажды вечером, просматривая книгу, я услышал негромкий стук в дверь на веранде. «Войдите!» — громко отозвался я, но никто не вошел. Стук повторился. «Кто там? Пожалуйста!» — еще громче повторил я. Снова молчание.

Я вышел на веранду. У стеклянной двери стоял аист и, наклонив набок свою красивую голову, настороженно смотрел вверх. Потом еще раз как-то безнадежно тукнул клювом по стеклу, он медленно отошел во двор. Постояв и погладев на меня, аист тяжело взлетел и уселся в гнездо.

Поведение птицы показалось мне странным. Я вернулся в комнату и принялся

за прерванную работу. Через некоторое время снова раздался стук в дверь. На этот раз я уже не сомневался — аист. Выглянув из окна, я увидел его у веранды. Недоумение мое возросло.

— Ты просишь, видимо, поест? — обратился я к аисту. — Как же это я раньше не додумался? А где твоя подруга? Что-то ты давно уже один в гнезде, — разговаривал я с птицей, бросая на траву кусочки хлеба и сыра.

Аист жадно, хотя и с опаской поклевывал, потом улетел в гнездо.

Я догадался, что произошло несчастье. Видимо, отпустив однажды свою подругу на прогулку, аист, как всегда, остался в гнезде. Но аистиха почему-то не вернулась. Возможно, какой-то жестокий браконьер подстрелил птицу. Как быть аисту? Улететь на болото поклевывать лягушек — значит дать остыть яйцам, может погибнуть потомство. И он стал искать пищу там, где не раз уже получал ее от человека.

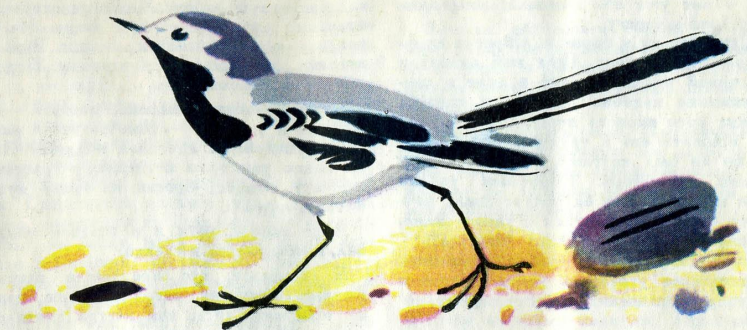
Аистиха так и не вернулась. В гнезде, как верный часовой, осталась аист-самец. Я с ним быстро подружился. Как только птице хотелось есть, она, звеня крыльями, шумно слетала во двор и стучалась в стеклянную дверь. Но чаще я сам выходил на веранду и ласково приглашал беднягу отобедать.

Аист совсем перестал бояться, клевал уже из рук, осмелев, в его черных бусинах-глазах исчез тревожный блеск недоверия.

Шло время. Аист мужественно исполнил свой отцовский долг, терпеливо высиживал положенный срок в гнезде. Когда вывелись птенцы, он гордо отклонил мою помощь и ни разу не слетел во двор, несмотря на мои частые приглашения. С утра до вечера аист летал на болото за лягушками и бесконечно кормил своих прожорливых и крикливых малышей.

Е. Загородний

Облик и образ

Каждый знает воробья, ворону, голубя. Но странное дело, однажды я попросил описать их окраску, и ни один из ребят не сумел этого точно сделать. В чем дело? А дело в том, что для опознания многих птиц подробно знать их окраску не обязательно. «Серенкий, у ног прыгает — это и есть воробей!»

Часто птиц узнают не по окраске, даже не по экстерьеру — облику, а по сумме присущих им общих признаков. Опытному охотнику стоит лишь мельком, издали увидеть пролетающую птицу — он безошибочно определит: рябчик, бекас, косач, журавль, гагара. Окраску он не успел разглядеть, да и не нужна она ему. А что же нужно? Образ! У каждой птицы свой, неповторимый образ. Образ вместил в себя все: и облик птицы, и ее поведение. Силуэт, размеры, голос — даже место и время встречи! Охотники и писатели чаще всего в рассказах своих передают образ птиц: то главное и всеобъемлющее, что присуще каждой из них. Вот как писатель М. М. Пришвин описал трясогузку: «С черным галстучком, в светло-сером отлично натянутом платье, живая, насмешливая, раскачивалась на своих тоненьких пружинистых ножках». А писатель В. В. Бианки добавил: «Трясогузка в полете моргает крылышками». Все вместе это настолько точно, что и без упоминания имени все узнали бы эту птичку.

Другие писатели: «Кулик-черныш покачивает белой гузкой, словно на веревке сидит и никак не может урновеситься». «Кулик летел над самой водой, трогая ее концами длинных крылышек и тотчас отдергивал, словно бы обжигался».

Так же обстоит дело и с передачей голосов птиц. Можно попытаться записать голоса с помощью нотных знаков, передать буквами или особыми условными знаками, как предлагал орнитолог А. Н. Промптов. А можно и по-другому, как это часто делают те же писатели и охотники: «переводят» с птичьего языка на человеческий. Вот как переводил птичьи голоса В. В. Бианки: снегирь — «жуть-жуть!», чечевича — «Тришку видел?», перепел — «спать пора, спать пора!», угод — «худо тут, худо тут!», пеночка-теньковка — «тё-тень-ка, тё-тень-ка!», чиж — «чулки, чулки, ва-режки!».

Наши большие синицы поют по-разному — и переводят их тоже по-разному. Одни из них так поют: «Пустяк, пустяк, пустяк». Другие: «Букетик, букетик, букетик!» А то и так: «Тись, тись, тись!» — словно велосипед накачивают!

Вот вам задание: попробуйте в нескольких фразах так передать образ птицы, чтобы ее все сразу узнали, попытайтесь перевести птичьи песни и голоса на человеческий язык.

Конечно же, лучшие описания и «переводы» мы напечатаем.

Н. Сладков
Рис. В. Федотова

ВОДОЛАЗ

Случай этот произошел в Опалихе Краснотарского района Московской области. Однажды ребята купались в пруду. Была среди них и семилетняя Марина. Плавать она еще не умела и стала тонуть. Четвероногий Чарли до этого спокойно лежал в тени, но, увидев тонущую Марину, бросился в воду, схватил ее за косички и вытащил из воды. Весь этот день Чарли не отходил от Марины, боясь, как бы она снова не попала в беду.

Другой случай произошел с моим знакомым. После пережитых волнений при защите диссертации он решил отдохнуть на берегу реки. Портфель с только что законченной работой положил на парашют. Надо же так случиться, что он локтем толкнул нечаянно портфель. Тот медленно

поплыл по реке. Все это видела девушка, проходившая мимо со своей собакой.

— Альма! — дала команду девушка.

В считанные секунды собака перемахнула через парашют, догнала плывущий портфель, схватила его зубами и поплыла к берегу.

— Чем мне вас отблагодарить? — спросил мой знакомый, обращаясь к хозяйке.

— Это тренировка для Альмы, — смеясь, ответила девушка.

В том и другом случае действовали собаки одной породы, которых называют водолазами. Их родина — Ньюфаундленд на востоке Канады. Водолаз — красивая собака, с черной волнистой длинной шерстью, большой головой и темными глазами. Это сильное и крупное животное. В Москве и Подмосковье свыше трехсот таких собак. Распространением щенков занимаются клубы служебного собаководства ДОСААФ.

М. Псалмов

«БЕЛКА ПЕСЕНКИ ПОЕТ».

Люда Лях
Гомельская область

НАША ОБЛОЖКА:

На первой странице — калина, на четвертой — опенок летний (фото Н. Щербакова и Р. Воронова). В номере использованы фото из журнала «La Vie des Bêtes».

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

В. Соколов. Земля — наш общий дом	1	И. Константинов. Позови глухаря	22
М. Владимиров. Поле Солдатское, поле целин- ное, поле пионерское	5	Л. Гарибова. Грибы-акробаты	26
Ремида Радовская. БАМ начинается у нас	6	С. Кучеренко. Могучее совершенство	32
В. Фартышев. Двойная звезда. Повесть	10	Клуб Почемучек	37
Лесная газета	16	Т. Голованова. Горные тропы лучистовцев	42
		Во саду ли... в огороде	44
		Записки натуралиста	49

Главный редактор А. Г. РОГОЖКИН

Редколлегия: Виноградов А. А., Корчагина В. А.,
Клумов С. К., Маслов А. П., Пономарев В. А., Подре-
зова А. А. (зам. главного редактора), Синадская В. А.,
Чащарин Б. А. (ответственный секретарь), Шукин С. В.,
Ярлыкапов А. Б.

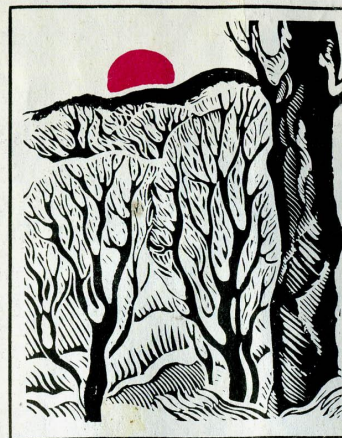
Художественный редактор А. А. Тюрин
Технический редактор Т. А. Кулагина

Рукописи и фото не возвращаются

Сдано в набор 1/VI 1976 г. Подписано к печати 9/VII
1976 г. А05135. Формат 70×100/16. Печ. л. 3,5 (усл. 4,55).
Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 2 600 000 экз. Заказ 1004. Цена
20 коп.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и
типографии: 103030, Москва, ГСП-4, Сушеская, 21

ТЕЛ 251-15-00
9-06 4-80

КРАСОТА

Хорошо, когда на свете
Есть зеленые березы.
Хорошо, что солнце светит,
Громяхают где-то грозы.

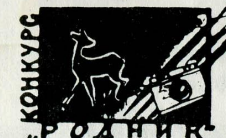
Хорошо, когда фиалки
Тихо, скромно распустились,
Хорошо, что ветки-палки
Молодой листвой покрылись.

А когда закат пылает
То малиновый, то красный,
Или озеро вздыхает —
Это так, друзья, прекрасно!

Ведь в обыденном, конечно,
Красота всегда найдется.
И она тихонько, нежно
В сердце счастьем отзовется.

Оля Звонарева

Ленинградская область

ВЕЧЕРНИЙ НАПЕВ

Остывает от жары земля.
В синь густую небеса одеты.
Подпирают небо тополя,
Черные, большие силуэты.

Рыбаки застыли над водой,
Будто бы уснули без просыпа.
А по речке месяц озорной
Серебро дрожащее рассыпал.

Не плеснет волною под веслом,
Звук последний замирает где-то.
Лишь гармонь да песня за селом
Будут куролесить до рассвета.

Алексей Старцев

Москва

УТРО

Восход алым кушаком
Землю опоясал,
Тонут в небе голубом
Звезд веселых ясли.

Лишь луна плывет еще
Дробно онемевшей,
Пряча в синее плечо
Взгляд заголубевший.

Вырастает с полземли
День захватом жарким,
Все и всех соединив
В солнечном распадке.

Валентин Беляков

Московская область

Индекс 71121
20 коп.

